
О ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРѢ ЗАПАДНЫХЪ ФИННОВЪ ПО ДАННЫМЪ ИХЪ ЯЗЫКА ¹⁾.

Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Von D-r August Ahlquist (Культурныя слова въ западно-финскихъ языкахъ. Вкладъ въ исторію древней финской культуры. Соч. д-ра *Августа Ахквиста*). Helsingfors. 1875.

V,

Семейный бытъ у древнихъ Финновъ; названія родства; домочадцы.—Бытъ общественный: община, народный сходъ. — Военные обычаи; вооруженіе. — Религіозныя понятія: дѣленіе времени и праздники; народное творчество.

Для изображенія *семейнаго быта* финскіе языки предлагают обильный матеріалъ. Какъ собственно финскій, такъ и другіе языки той же группы—по замѣчанію г. Ахквиста—сравнительно богаты самобытными словами, означающими родственныя связи, и въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены на ряду съ языками литовскими и славянскими, въ которыхъ всѣ отгѣнки родства и свойства весьма точно отмѣчены различными словами. И такъ какъ названія родственныхъ связей въ большей части финскихъ языковъ одни и тѣ же, то изъ этого — думаетъ г. Ахквистъ — можно заключить, что правильный семейный бытъ сложился у Финновъ самобытно, независимо отъ вліянія другихъ народовъ, и притомъ въ то еще время, когда Финны не дѣлились на многія племена. Таковъ общій окончательный вы-

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* текущаго года.

вѣдь почтеннаго изслѣдователя; но при этомъ нельзя не замѣтить, что въ болѣе частныхъ заключеніяхъ, относящихся къ исторіи развитія финскаго семейнаго быта, г. Алквисту нерѣдко приходится указывать слѣды чужаго вліянія.

Въ настоящее время, говоритъ онъ,—у Западныхъ Финновъ семья. финск. *pere, perhe*, эстск. и вотск. *pere*, лопск. *pærad, bæraš*, образъется далеко не тѣмъ способомъ, что въ древности. У Тюркскихъ народовъ, а также и у Восточныхъ Финновъ, издревле существуетъ обычай, что молодецъ, желающій вступить въ бракъ съ дѣвушкой, вноситъ отцу ея такъ называемый калымъ, то-есть, вѣно или извѣстный выкупъ. вознагражденіе—не только за ея прокормленіе и воспитаніе, но и за ту рабочую силу, которой лишается семья невѣсты съ выходомъ ея замужъ. Размѣръ этого выкупа бываетъ иногда весьма крупенъ; онъ зависитъ отъ того значенія, какимъ пользуется семья невѣсты, и въ особенности—отъ размѣра ея приданаго. Но и у народа бѣднаго взносъ калыма столь обязателенъ, что иной неимущій Татаринъ такъ и умираетъ неженатымъ, потому что не въ состояніи накопить довольно денегъ для покупки жены. Въ былое время отъ калыма избавлялись тѣмъ, что добывали себѣ жену похищеніемъ, умычкой: обычай, донынѣ существующій у степныхъ Тюркскихъ народовъ, и многочисленные слѣды котораго сохранились въ пѣсняхъ и преданіяхъ Урало-Алтайцевъ, живущихъ болѣе къ западу. Что же касается Финновъ Балтійскихъ, то ихъ брачный обычай составляетъ уже третью ступень въ общемъ развитіи семейнаго быта, такъ какъ, по всему вѣроятію, Финны, прійдя къ Балтійскому побережью, позаимствовали многое въ этомъ отношеніи у Литовскихъ народовъ и тѣмъ дополнили и развили кругъ собственныхъ обыкновеній. Наконецъ, дальнѣйшее измѣненіе послѣднихъ совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о бракѣ и церковныхъ обрядовъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго г. Алквистъ находитъ обильныя данныя въ кругу финскихъ словъ, относящихся къ семейному быту.

Женатый мужчина носитъ въ западно-финскихъ языкахъ двоякое названіе: во первыхъ, финск. и ливск. *mies*, эстск. и вотск. *meis*, вепск. *m'es*, собственно въ значеніи супруга, и вовторыхъ, финск. *uros*, мадыарск. *ur*, господинъ, зыр. *verös* или *veres*. Оба эти слова г. Алквистъ сопоставляетъ съ соответствующими имъ арійскими: первое — со слав. *мужь*, лат. *mas*, и второе — съ лит. *uros*, латышск. *ūrs*, лат. *vir*, какъ бы намекая тѣмъ самымъ, что корни этихъ словъ общи финскимъ и арійскимъ языкамъ. Впрочемъ, въ терминологіи

семейнаго быта можно, какъ увидимъ ниже, указать не одинъ примѣръ такого сходства.—Женщина имѣетъ по фински нѣсколько названій. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ происходитъ отъ корня: *nai*, *nei*, отъ котораго въ разныхъ нарѣчіяхъ западныхъ и частью восточныхъ образуются какъ общее названіе женщины, такъ и болѣе частныя — супруги, дочери, дѣвушки. Другое, также весьма распространенное названіе жены есть финск. *vaimo*, одного корня съ эстск. *vaim*, духъ, душа, чувство, и лопск. *vaimbo*, сердце; переходъ этого послѣдняго кореннаго значенія въ упомянутое выше производное объясняется, по мнѣнію г. Алквиста, употребленіемъ кореннаго слова въ ласкательномъ значеніи подобно нѣмецкому *mein Herzchen* или русск. *душенька*. Остальныя названія женщины суть финск. и лопск. *akka* и финск. *miija*; они имѣютъ отгѣнокъ шутовности и употребляются преимущественно въ смыслѣ хозяйки; притомъ *miija* происходитъ отъ простонароднаго шведск. *moija*, имѣющаго то же значеніе.

Отъ самобытнаго *nai*, жена, происходитъ глаголъ финск., востск. и венск. *nain*, жениться; посвататься означается по фински и эстски словомъ *kosin*, по ливски *koj*, *kuoiz*, происходящимъ отъ латышск. *kasas*, свадьба. Собственно въ финскомъ языкѣ свадьба называется самобытнымъ словомъ *häät*, но въ лопскомъ то же слово, въ формѣ *hæjuk*, является лишь въ болѣе общемъ значеніи—угощенія; эстскій языкъ также называетъ свадьбу словомъ, имѣющимъ не коренное, а переносное значеніе, именно *pulmad* (множ. число), чтò по прямому смыслу значить шумъ или толпа. Обручальное кольцо называется по фински *kihla*, лопск. *kihle*, эстск. *kihl*; послѣднее слово, равно какъ и ливск. *kil*, имѣетъ также значеніе залога, и венск. форма *kehl* означаетъ закладъ. Хотя слово это распространено почти во всѣхъ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, происходитъ оно изъ арійской группы языковъ: по латышски залогъ также значить *kils*, и это коренное значеніе слова, чтò объясняется др.-сѣв. *ǵisl*, шведск. *gislan*, датск. *Gidsel*, нѣм. *Geissel*, заложникъ. Не трудно объяснить, почему обручальное кольцо, залогъ и закладъ называются словами одного корня: если бьются объ закладъ, то въ обезпеченіе справедливости своего утвержденія даютъ залогъ; такъ и при обрученіи кольцо есть залогъ того, что женихъ исполнитъ свое обязательство относительно невѣсты.

Для лицъ, вступающихъ въ бракъ, нѣтъ въ финскихъ языкахъ самобытныхъ названій. Въ собственно финскомъ, эстскомъ и лопскомъ слово, означающее невѣсту, финск. *morsian*, эстск. *mõrsi*, лопск.

moarsse, объясняется изъ литовскаго; вепское *mužbūn*, отъ того же корня, означаетъ молодуху; далѣе, въ ливскомъ невѣста называется *brut*, отъ нѣм. *Braut*, а въ вепскомъ, вогульскомъ и зырянскомъ сходно съ русскимъ—*nevest*, *nevesta*; наконецъ, и въ русско-корельскомъ мы опять встрѣчаемъ *neveska*, но лишь въ значеніи невѣстки. Какъ въ русск. *невѣстка* скрывается едва ли не древнѣйшій смыслъ этого слова — молодая жена, жена сына, ибо состояніе невѣсты, какъ дѣвицы, помолвленной за жениха, не соотвѣтствуетъ древнѣйшему обычаю умыканія и есть явленіе относительно позднѣйшее ¹⁾, — такъ и въ финскихъ языкахъ, при отсутствіи самобытнаго названія для помолвленной дѣвицы, есть чисто самобытное слово, означающее молодуху, еще не имѣющую дѣтей: финск. *nuorikko*, вотск. *noorikko*, эстск. *noorik*, отъ коренного *nuori*, молодой.

Въ отношеніи къ названію жениха финскіе языки представляютъ нѣсколько выраженій; но одни изъ послѣднихъ, коренныя финскія, какъ напримѣръ, финск. *yllkä*, лопск. *irgge*, эстск. *peig*, означаютъ вступающаго въ бракъ человѣка только по переносному словопользованію; другія же названія прямо переняты изъ языковъ чужихъ: такъ, слав. *женихъ* перешло къ Кареламъ, Води, Вогуламъ и Мордвѣ. Подобно тому заимствованному оказывается и наиболѣе употребительное въ собственно финскомъ языкѣ названіе жениха *sulhanen*, и притомъ распространеніе этого слова въ языкахъ западно-финской группы представляетъ—по мнѣнію г. Алквиста—свидѣтельство объ одномъ замѣчательномъ явленіи древняго финскаго быта. Между тѣмъ какъ по фински *sulhanen* значить женихъ, въ эстскомъ языкѣ мы находимъ то же слово *sullane*, *sulane*, въ ливскомъ *sulli*—въ значеніи слуги, работника. Таково же значеніе и латышск. *sullainis*, которое послужило прототипомъ для вышеупомянутыхъ словъ, а само есть ничто иное, какъ уменьшительное отъ *sulha*—слав. *слуга*. По догадкѣ г. Алквиста, переходъ значенія слуги въ значеніе жениха объясняется тѣмъ, что въ древности у Финновъ, вѣроятно, былъ обычай, сходный съ еврейскимъ, — что молодой человѣкъ, желающій жениться на какой-либо дѣвушкѣ, долженъ былъ до свадьбы прослужить нѣкоторое время въ работникахъ въ домѣ отца невѣсты.—Чтобы покончить съ кругомъ словъ, относящихся непосредственно до брачныхъ отношеній, упомянемъ еще, что для означенія вдовы, вдовца финскіе языки или

¹⁾ См. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, соч. П. Лауровскаго, стр. 90—91.

употребляютъ самобытное слово *leski*, *læsk* и пр., по первоначальному смыслу значущее вольный, свободный, или пользуются словами, заимствованными изъ русскаго языка.

Отъ терминовъ, касающихся собственно брачнаго состоянія, перейдемъ къ названіямъ кровнаго родства. Отець называется въ финскихъ языкахъ двояко: вопервыхъ—финск. *isä*, эстск. *isa*, *iza*, вотск. *izä* и *ätä*, вог. *säs'*, остяцк. *āsi*, мадыарск. *atya*, морд. *at'a*, старикъ, самецъ, *at'ai*, тесть, вотяцк. *ata*, *atai*, черем. *ätü*; и вовторыхъ—финск. *taatto*, эстск. *taat*, вепск. *tat*, ливск. *tõl'*, черем. *t'ötä*, дѣдъ; но, по замѣчанію г. Алквиста, оба эти названія такъ смѣшиваются одно съ другимъ въ употребленіи, что являются какъ бы двумя формами одного въ сущности корня; къ этому можно прибавить, что какъ въ финскихъ названіяхъ мужа и жены г. Алквистъ усмотрѣлъ нѣкоторое сродство съ словами арійскоѣ группы, такъ то же можетъ быть замѣчено и въ отношеніи названій отца: вспомнимъ греч. *ἄττα*, лат. и готск. *atta*, слав. *отъ*, *отецъ*, греч. *τάτα*, литовск. *tėtis*, русск. *татя* ¹⁾. Какъ финск. *isä*, по мнѣнію г. Алквиста, стоитъ въ близкой связи съ прилагат. *iso*, большой, такъ и встрѣчающееся во многихъ финскихъ языкахъ названіе дѣда или вообще старика—*äijä* происходитъ отъ корня, означающаго многій, великій. Гораздо менѣе распространено другое названіе дѣда или вообще старика—*ukko*: мы находимъ его только въ финскомъ собственно да въ вепскомъ *uk*; въ эстскомъ же, въ формахъ простой *Uku* и сложной *imeukud*, оно получило только спеціальнѣйшій характеръ, какъ названіе миѳическихъ существъ: эстск. *Uku*—то же, что финское божество *Ukko*, а эстск. *imeukud* означаетъ сонныхъ духовъ. Къ этому должно прибавить, что *Ukko*, *Uku* не составляли однако, по мнѣнію Кастрена, коренныхъ личныхъ именъ почитаемаго Финскими племенами бога неба, но сперва придавались ему только какъ эпитеты, выражающіе почтеніе ²⁾.

Мать носить въ финскихъ языкахъ нѣсколько названій: одно изъ нихъ *emä*, *jema* и т. д. встрѣчается въ финскомъ собственно, вотскомъ, ливскомъ и остяцкомъ; другое—*enne*, *ædne* и т. д.—то же въ вотскомъ и остяцкомъ, и сверхъ того, въ лопскомъ, мадыарскомъ, вотяцкомъ и вогульскомъ. Кромѣ этихъ словъ самобытнаго происхож-

¹⁾ Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, *П. Лавровскаго*, стр. 10—11.

²⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie. Uebersetzt von A. Schiefner (St.-Petersb. 1853), стр. 26 и слѣд.*

денія, въ языкахъ корельскомъ, вепскомъ и зырянскомъ мы находимъ названія матери, образованныя сходно съ обще-арійскимъ словомъ *matra*; въ финскомъ же собственно нынѣ наиболѣе употребительно въ этомъ смыслѣ слово *äiti*, эстск. *eit*, происходящее, вѣроятно, отъ готскаго *atheī*. Бабка обыкновенно называется по фински *mitto*, отъ шведск. *mormor*.

Дитя называется въ финскомъ *lapsi*; въ эстскомъ, ливскомъ и вепскомъ *laps*, въ вотскомъ *lahsi*; этому слову соотвѣтствуетъ мордовское *lefks*, въ значеніи дѣтенышъ. Название сына — финск. и вотск. *poika*, вепск. *poig*, эстск. *poeg*, ливск. *puoga*, вотяцк. и зыр. *pi*, мадыарск. *fi* и *fiu*, вог. *pü*, остяцк. *roh*, принадлежитъ, по видимому, къ числу тѣхъ словъ, въ коихъ языки финскіе по своимъ корнямъ сближаются съ арійскими. Изъ сравненія формы этого слова въ западныхъ и восточныхъ финскихъ языкахъ г. Алквистъ заключаетъ, что окончаніе *ka* въ первыхъ есть слогъ производный, и что въ такой формѣ слово это сложилось, быть можетъ, подъ вліяніемъ шведскаго *pojke*, гдѣ окончаніе *ke* имѣетъ уменьшительное значеніе сравнительно съ датск. *rod*, англ. *boy*, франц. *page* и греч. *παῖς*; болѣе же первоначальную финскую форму этого слова, по предположенію г. Алквиста, составляетъ эстск. *poji*, ребенокъ, и вотск. *pojo*. — Для представителя третьяго поколѣнія, внука, финскіе языки не имѣютъ вовсе самобытнаго слова и пробавляются заимствованіемъ слав. *унукъ* въ формѣ *уника* *viniikka*, и т. д. — Названіе дочери въ большей части финскихъ языковъ образуется изъ самобытнаго слова *nei*, которое уже было упомянуто выше въ значеніи женщины; въ томъ же смыслѣ встрѣчаются въ финскомъ собственно *tyttö*; это слово г. Алквистъ считаетъ возможнымъ сблизить съ татарскимъ *tuta*, означавшимъ старшую сестру; но кромѣ указанныхъ выраженій, въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ у Западныхъ, такъ и у Восточныхъ Финновъ, названіе дочери заимствовано изъ языковъ арійской группы. То же должно сказать и о названіи сестры въ большей части финскихъ языковъ, хотя въ эстскомъ и лопскомъ и для этого понятія встрѣчаются выраженія самобытныя.

Г. Алквистъ обращаетъ вниманіе на ту особенность урало-алтайскихъ языковъ, что во многихъ изъ нихъ старшіе и младшіе братья, старшія и младшія сестры называются различными словами, и что въ то же время дядя называется также, какъ старшій братъ, а тетка, какъ старшая сестра; впрочемъ, продолжаетъ почтенный авторъ, — особенность эта у Балтійскихъ Финновъ уже утратилась

подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и европейской культуры. Что же касается Финновъ Восточныхъ, то приведенные г. Алквистомъ примѣры доказываютъ, что языки ихъ еще сохраняютъ, хотя отчасти, вышеуказанную черту древности. Итакъ, согласно сказанному, въ нынѣшнемъ словоупотребленіи многихъ западно-финскихъ языковъ названіе брата вообще производится изъ одного корня: таково финск. *veijo*, *veikko*, *veli*, эстск. *veli*, *vend*, лонск. *vellja* и т. д. (форма *veikko* перешла и въ русскій народный говоръ Петербургской губерніи въ значеніи товарища, брата — *вейка*); но названія дяди дробятся, смотря по тому, разумѣется ли дядя по матери, или дядя по отцу: первый называется по фински *eno*, по эстски и вотски *ono* и т. д., второй — финск. *setä*, эстск. *lell*; въ лонскомъ языкѣ дробленіе названія дяди по отцу идетъ еще далѣе, такъ что дядя, который старше отца, называется иначе, чѣмъ дядя моложе отца. Изъ восточно-финскихъ языковъ, тожество названій старшаго брата и дяди и отдѣльность названій младшаго брата особенно ярко выступаютъ въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ, хотя при этомъ названные языки имѣютъ особыя слова для означенія общаго понятія о братѣ. Наконецъ, тетка называется по фински, вотски и вепески *täiti*, по этски *tüdi*, *töud*, и о происхожденіи этого слова г. Алквистъ не высказывается окончательно — заимствовано ли оно отъ слов. *тетя*, или же самобытное и стоитъ въ связи съ упомянутымъ выше финск. *tyttö*, дочь; но въ лонскомъ языкѣ мы опять находимъ особое названіе для тетки, которая старше матери — *goaske*, *koska*, и для такой, которая моложе матери — *muota*; подобно тому въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотяцкомъ проводится различіе между старшею и младшею сестрой.

Не останавливаясь далѣе на подробномъ анализѣ второстепенныхъ родственныхъ названій у Финновъ, который предложенъ г. Алквистомъ, ограничимся однимъ, истекающимъ отсюда выводомъ, именно — что въ финскихъ языкахъ встрѣчаются самобытные слова, коренныя, или по крайней мѣрѣ производныя, для означенія вотчима, мачихи, пасынка, падчерицы, свекра, свекрови, зятя, свояка, шурина, деверя, снохи, золовки, невѣстки и свояченицы. Можно съ увѣренностью сказать, что именно это обиліе самобытныхъ терминовъ для мелкихъ отгѣнковъ родства и свойства и побудило почтеннаго финнолога высказать то заключеніе, что семья сложилась у Финновъ самостоятельно, прежде, чѣмъ они пришли въ соприкосновеніе съ Арійскими народами вблизи Балтійскаго моря.

Подобное точное и подробное разграниченіе различныхъ род-

ственныхъ оттѣнковъ, существовавшее въ старину у Славянъ, по замѣчанію изслѣдователя славянской терминологіи родства П. А. Мавровскаго, — „необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а чрезъ это — и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій“, продолжаетъ тотъ же ученый, — „въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ... относится къ самому полному развитію семейно-родовой связи“¹). Г. Алквистъ хотя и засвидѣтельствовалъ обиліе родственныхъ названій у Финновъ, но не могъ сдѣлать отсюда выводъ, что у нихъ было живое сознаніе родоваго начала. Напротивъ того, онъ прямо говоритъ, что семейная или родовая связь не вела у Финновъ къ соціальному объединенію. Въ западно-финскихъ языкахъ существуетъ два слова, которыми означается понятіе рода: вопервыхъ — финск. и вотск. *suku*, эстск. и вепск. *sugu*, ливск. *sug*, лопск. *sokka*, и вторыхъ — финск. *heimo*, эстск. *hõim*, ливск. *aim*; но ни то, ни другое выраженіе не имѣетъ значенія триба, кантона, клана или чего-либо подобнаго, почему и нельзя думать, чтобы семьи, принадлежавшія къ одному роду, составляли у Финновъ одну соціальную единицу. Да образованіе такой связи, прибавляетъ г. Алквистъ, — было и не возможно, потому что каждая семья жила сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, ради удобствъ охоты и пастьбы скота.

Отдѣльное жилище одной семьи, большое или малое, называется по фински и вотски *talo*, по эстски *talo*, *talu*, по ливски *tul*, по лопски *dallo*; крестьянская усадьба съ принадлежащею къ ней землею, такъ называемый гейматъ, означается по фински словомъ *tala*, а участокъ земли, предоставляемый въ пользованіе постороннему лицу за нѣкоторую плату или подъ условіемъ извѣстныхъ работъ, носитъ по фински названіе *torppa*, отъ шведск. *torp*. Для означенія домохозяина, домохозяйки употребляются въ финскомъ собственно слова *isäntä*, *emäntä*, повторяющіяся также, съ небольшими измѣненіями, въ эстскомъ, ливскомъ, вепскомъ и лопскомъ; въ южно-емскихъ говорахъ выраженія эти получили значеніе господина, госпожи. Но во всякомъ

¹ Ко ренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, стр. 37—38.

случаѣ, по замѣчанію г. Алквиста, происхождение ихъ отъ финск. *isä*, отецъ, и *emä*, мать, указываетъ на то народное воззрѣніе, по которому домохозяева являются лицами, заступающимъ мѣсто родителей.

Названій слуги, работника въ финскомъ языкѣ есть нѣсколько, но они по большей части заимствованныя. Одно изъ наиболѣе старыхъ—финск. и вотск. *orja*, эстск. *ori*, въ современномъ употребленіи означающее уже не простого слугу, а раба; но такъ какъ у древнихъ Финновъ, по всей вѣроятности, рабовъ не было вовсе, и какъ въ восточно-финскихъ языкахъ вовсе нѣтъ самобытныхъ словъ для означенія этого понятія, то г. Алквистъ допускаетъ предположеніе, что и слово *orja*—пришлое и пожалуй не чуждо арійскому корню *ar*, что значитъ почитать, служить. Выше было упомянуто, что изъ слав. *слуга* образовалось эстск. *sullane*; финск. *holappa*, эстск. *holo*; также, очевидно, происходитъ изъ русск. *холопъ*. Любопытно, что въ восточной Финляндіи распространено слово *kasakka* въ значеніи наемнаго работника: въ томъ же смыслѣ употребляется оно и въ русскомъ языкѣ въ Архангельской, Псковской и Тверской губерніяхъ ¹⁾. Кстати замѣтить, что и слово *бобыль* также перешло въ финскій языкъ въ формѣ *poruli* и также употребительно въ той части Финляндіи, которая примыкаетъ къ русскимъ предѣламъ.

Замкнутостью, несообщительностью финскаго народнаго характера г. Алквистъ объясняетъ то обстоятельство, что финскіе языки очень бѣдны словами, означающими товарища, друга. Въ Калевалѣ употребляется въ смыслѣ товарища описательное выраженіе *toinen mies*, что буквально значить другой человекъ; въ современной финской рѣчи чаще всего встрѣчаются слова *kumppani*, *kumppali*, отъ шведск. *kumpan*, и *toveri*, отъ русск. *товарищъ*; послѣднее слово усвоено также Вепсами и Карелами. Другъ—по фински *ystävä*, отъ самобытнаго *yskä*, грудь; такимъ образомъ, по коренному своему смыслу слово это близко къ русскому *наперсникъ*. Но наиболѣе любопытно въ этой группѣ понятій эстское слово *sõbr*, ливск. *sõbbõrs*. Г. Алквистъ указываетъ прототипъ его въ литовск. *sėbras*, товарищъ, и затѣмъ, говоритъ, что изъ эстскаго оно перешло въ финскій, гдѣ получило отвлеченное собирательно значеніе общества, товарищества. Что и въ финскомъ собственно оно имѣло въ старину форму *sepra*, на это—по предположенію г. Ал-

¹⁾ Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 62.

квиста—указываетъ лопск. *sebre, særvve*, заимствованное изъ финскаго. Ученый финнологъ идетъ и еще далѣе, предполагая, что отъ Эстовъ и Кареловъ слово это перешло также въ русскій языкъ въ формѣ *сябрь*—знакомый, пріятель, и *себра*, работа общими силами. Ему извѣстно только современное употребленіе этихъ словъ въ Псковской и Олонецкой губерніяхъ, между тѣмъ какъ въ формѣ *шебѣрь, шабѣрь*, товарищъ, то же слово распространено во всей Великороссіи ¹⁾ и даже не чуждо другимъ славянскимъ языкамъ, напримѣръ, сербск. *себар*, земледѣлецъ ²⁾, почему и можетъ быть сочтено за коренное славянское.

До сихъ поръ въ этой главѣ мы слѣдовали за г. Алквистомъ въ характеристикѣ семейнаго быта Финновъ. Теперь же перейдемъ къ изображенію быта *общественнаго*, на сколько это дозволяетъ филологическій матеріалъ, собранный нашимъ ученымъ.

Мы уже видѣли, что г. Алквистъ не нашелъ въ финскихъ языкахъ свидѣтельства о существованіи у Финновъ рода какъ соціальной единицы. Недостатокъ у нихъ общественности характерно обозначается отсутствіемъ самостоятельнаго слова и для названія сосѣда: отъ слова *vieri*, край, прилежащее, образовалось финск. *vieras*, что значитъ не сосѣдъ, а чужой; для означенія же сосѣда западнофинскіе языки усвоили себѣ сканд. *nábúi*, шведск. *nabo*, а восточнофинскіе — русск. *сосѣдъ*. При расселеніи Финновъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо границахъ между пастбищами и жилищами отдѣльныхъ семей; подобными границами могли служить только рѣчки, горные кряжи и т. п. *Jus prius occupantis* представляло то или другое пространство въ извѣстныхъ руки, и земля, такимъ образомъ занятая, называлась *руһä*, заимка, займище. Когда являлась необходимость отмѣтить такой участокъ какимъ-либо знакомъ, ставился столбъ или клался камень, и его называли *рууки, руукикі*: теперь это названіе межеваго знака. Другой, болѣе опредѣленной примѣты для поземельной собственности и не требовалось до тѣхъ поръ, пока земледѣліе не стало господствующимъ занятіемъ населенія. Отсюда понятно, заключаетъ г. Алквистъ, — почему фин-

¹⁾ См. Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 201, 225, 261, 264. Ср. *сябровъ*, упоминаемыхъ въ Псковской судной грамотѣ 1467 г.; см. Руск. Ист. К. Н. Бестужева-Рюмина, I, 369 и 379.

²⁾ См. Сербски Рјечникъ, В. Караджича, стр. 674.

скіе языки не имѣють самобытныхъ словъ для означенія границы, края, рубежа, межи и пользуются для того выраженіями, заимствованными по большей части изъ русскаго; только у Вепсовъ встрѣчается самобытное слово *keskus*, но и оно есть лишь прямой переводъ русскаго *межа*.

Слабое сознаніе общественнаго принципа у Финновъ чувствуется и въ тѣхъ словахъ, коими они выражаютъ понятіе о населенномъ мѣстѣ и о народѣ. Деревня—по фински *kylä*, по эстски, ливски и вепски *küla* и т. д., но въ этомъ словѣ отнюдь не разумѣется сельская община, а лишь нѣкоторая совокупность человѣческихъ жилищъ. Точно также финск., эстск. и вотск. *rahvas* или финск. *kansa* значать народъ только какъ множество людей. Впрочемъ г. Алквистъ указываетъ на одно самобытное финское слово, которое, по видимому, означало издревле нѣчто въ родѣ общины: это—*pitäjä*, чтѣ нынче значитъ приходъ, кирхшпиль. Это послѣднее значеніе слово *pitäjä* получило, очевидно, послѣ принятія христіанства, каковъ же былъ его коренной смыслъ—остается неизвѣстнымъ. По догадкѣ г. Алквиста, слово это сложилось первоначально у Еми или Тавастовъ, такъ какъ у этого племени раньше всего развилась общинная жизнь, и притомъ не въ эпоху новгородскаго или шведскаго владычества, а гораздо ранѣе, когда Емь была независима и находилась въ сношеніяхъ съ Литовцами и Русскими Славянами. Въ такомъ случаѣ развитіе финской *pitäjä* соотвѣтствовало бы развитію русскихъ погостовъ, которые прежде всего были отдѣльными сельбищами, а потомъ собраніемъ такихъ сельбищъ (изъ коихъ одно было главнымъ, а другія въ отношеніи къ нему выселками),—съ теченіемъ же времени получили значеніе религіозное—приходовъ и церквей, и гражданское—волостей съ центрами волостнаго управленія ¹⁾).

Г. Алквистъ предполагаетъ далѣе, что древняя финская *pitäjä* имѣла свое общественное собраніе, которое и называлось *keräjä*: самобытное финское слово, сдѣлавшееся въ послѣдствіи названіемъ суда въ скандинавскомъ смыслѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ и русскаго вліянія на образованіе такихъ народныхъ сходокъ, такъ какъ у Вепсовъ эти собранія называются *snim*, то-есть, согласно съ русск. *сеймъ*. Напрасно однако г. Алквистъ полагаетъ, что это послѣднее слово не примѣняется къ народнымъ сходкамъ собственно

¹⁾ Срезневскій, Чтенія о древнихъ русскихъ летописяхъ (С.-Пб. 1862), стр. 34.

на Руси: слово *сметь* встрѣчается въ древне-русскихъ памятникахъ, а въ современномъ олонецкомъ говорѣ находимъ именно въ этомъ смыслѣ *суеть*, ближайшимъ образомъ сходное съ вепск. *smit*. Въ богатомъ архаизмами вепскомъ языкѣ сохранилось и другое замѣчательное слово—*kuht*, которымъ означается или всякій баринъ или чиновникъ: г. Алквистъ предполагаетъ, что въ древности такъ называли главу общины, или по крайней мѣрѣ, народнаго вождя во время войнъ. Всѣ прочія названія правителей (кромѣ еще этск. *igand*, по первоначальному смыслу—домохозяинъ) заимствованы финскими языками изъ русскаго, шведскаго или нѣмецкаго, равно какъ и большая часть другихъ словъ, относящихся къ общественному и государственному быту. Не вдаваясь поэтому въ подробности относительно терминовъ этого рода, скажемъ только, что Финны должны были позаимствовать у своихъ сосѣдей между прочимъ такія слова общаго значенія, какъ судъ, свободный человѣкъ, законъ и пр.

Обращаемся къ собраннымъ г. Алквистомъ даннымъ о *воинскихъ обычаяхъ* древнихъ Финновъ. Хотя, говоритъ нашъ ученый, — Финны вообще народъ миролюбивый, но въ войнѣ они всегда проявляли храбрость, хладнокровіе и стойкость. Упорное сопротивление, оказанное Эстами Нѣмцамъ и Вепсами и Карелой Русскимъ, морскіе набѣги Кареловъ изъ Финскаго залива на западъ, ихъ постоянная вражда со Шведами и Русскими, наконецъ безчисленныя войны, веденныя Финнами въ эпоху шведскаго владычества, свидѣлствуютъ, что Финны отнюдь не боялись суровой военной потѣхи. Герои Калевалы являются въ минуты опасности по истинѣ мужественными, хотя нѣкоторые изъ нихъ вовсе не воины по ремеслу, и болѣе великолѣпнаго витязя, чѣмъ Лемминкайненъ, не воспѣлъ никакой другой народный эпосъ: доказательство, что военныя способности были высоко цѣнимы тѣмъ народомъ, который сложилъ этотъ эпосъ. Тѣмъ не менѣе, Финны не знали правилъ военнаго искусства до покоренія Шведами и сперва употребляли на войнѣ только то орудіе, которое служило имъ на охотѣ за дикими звѣрьми. Поэтому и терминологія ихъ военнаго быта оказывается самостоятельною только отчасти. Такъ, въ западно-финскихъ азыкахъ война называется самобытнымъ словомъ *sota, soda, soatte* и т. д.; воинъ, врагъ также имѣютъ ни откуда не заимствованныя названія; но для отряда у Финновъ

1) См. Словарь къ Причитаніямъ Сѣвернаго Края, *Е. В. Барсова*, стр. XVIII; только здѣсь вслѣдствіе опечатки, читается *суеть* вм. *суеть*.

уже не нашлось своего слова, кроме *joukko*, под которымъ разумѣется вообще толпа или множество, и *pulkka*, очевидно происходящаго изъ русск. *полкъ*. Точно также Финны не могли обойтись безъ заимствованія въ названіяхъ лагера, стражи, знамени и пр.

Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ оружія у Финновъ должно считать *puikko*, ножъ въ видѣ кинжала, чрезвычайно опасный, если искусство владѣть имъ. Такой ножъ, названіе котораго сохранилось только въ собственно финскомъ языкѣ, могъ быть одинаково употребляемъ и на войнѣ, и на охотѣ. То же, безъ сомнѣнія, должно сказать о *kortti*, оружіи, упоминаемомъ въ Калевалѣ и по своему названію соответствующемъ русскому слову *кортикъ*. Напротивъ того, специальное боевое оружіе—мечъ, финск. *miekka*, эстск. *mõek* и т. д., носитъ въ западно-финскихъ языкахъ названіе, составленное по образцу готск. *meki* или др.-сѣв. *moekir*. Для копья существуетъ, кроме заимствованныхъ съ запада названій, два самобытныхъ: во первыхъ, финск. *saitta*, лопск. *saitte*, и вторыхъ, финск. *tuura*, эстск. *tuur*; первое и теперь употребляется въ значеніи шеста, палки или трости, изъ чего можно видѣть, что древнѣйшее финское копье было не болѣе какъ палка изъ крѣпкаго дерева съ заостреннымъ концемъ, въ родѣ охотничьей рогатины. Такимъ же чисто народнымъ оружіемъ была дубина или палица, финск. *nuija*, эстск. *nui*: самое слово однако происходитъ изъ латышскаго языка. Наконецъ, въ большомъ употребленіи у Финновъ былъ лукъ; онъ дѣлался двухъ родовъ: такъ называемый ручной лукъ—*kaarvi*, состоявшій только изъ дуги и тетивы, и самострѣль—*jousi*, заключавшій въ себѣ три части: дугу, тетиву и ложе. Названіе перваго извѣстно только у Еми и Эстовъ; второй же именуется сходными словами не только у большей части Западныхъ Финновъ, но и у нѣкоторыхъ Восточно-Финскихъ племенъ: это, безъ сомнѣнія, доказываетъ глубокую древность его употребленія Финнами. Г. Алквистъ сообщаетъ подробное и любопытное описаніе этого оружія со словъ извѣстнаго Лёнрота, которому, лѣтъ сорокъ тому назадъ, удалось найти въ русской Карелѣ старинный финскій самострѣль. Употребленіе этого оружія было слѣдующее: въ крѣпко придѣланное къ концу ложа кольцо всовывали ногу, затѣмъ захватывали тетиву особымъ желѣзнымъ снарядомъ, прикрѣпленнымъ къ прочному кожаному поясу стрѣлка. и натягивали ее на зарубку валика, вращавшагося на желѣзномъ стержнѣ и внизу соприкасающагося съ собачкой; такимъ образомъ, чтобы натянуть этотъ лукъ, требовалось усиліе всего тѣла, и даже самый большой силачъ не

могъ бы сдѣлать этого одними руками. Стрѣла вкладывалась въ плоскій жолобъ, и стрѣльба производилась прямо отъ руки: ложа къ плечу не прижимали, такъ какъ лукъ отдавалъ очень сильно. Стрѣла, употребляемая для самострѣла, дѣлалась съ острымъ наконечникомъ изъ крѣпкаго дерева, кости или желѣза; названіе ея — *nuoli*—очень распространено въ разныхъ языкахъ финской группы, между тѣмъ какъ названіе стрѣлы для лука ручнаго—*vasama*—извѣстно только у Финновъ собственно. Тѣ и другія стрѣлы для болѣе правильнаго полета снабжались на заднемъ концѣ тремя орлиными перьями. Стрѣлы хранились въ колчанѣ, финск. *vimi*, который дѣлался изъ толстой плетенки съ деревяннымъ дномъ; его носили за спиной, и стрѣлы вынимались изъ него черезъ плечо. Для защиты туловища въ бою, древніе Финны надѣвали костяной панцырь — финск. *luusto*, отъ *luu*, кость. Въ послѣдствіи времени вошли въ употребленіе латы, а равно и щиты; для тѣхъ и другихъ финскіе языки обладаютъ только такими названіями, которыя происходятъ изъ чужихъ языковъ.

Въ заключеніе своего очерка древней финской культуры на основаніи данныхъ языка, г. Алквистъ обращается къ характеристикѣ *религіозныхъ понятій* древнихъ Финновъ. Въ этомъ отношеніи крупнѣйшимъ фактомъ, который засвидѣтельствованъ и рѣчью народа, должно, по мнѣнію г. Алквиста, считать то обстоятельство, что Балтійскіе Финны прежде чѣмъ у нихъ утвердилось христіанство, успѣли къ своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, основаннымъ на системѣ шаманизма, присоединить много новыхъ чертъ, которыя позаимствовали у культурныхъ Арійскихъ народовъ, ранѣе ихъ обитавшихъ вблизи Балтійскаго моря. Наблюденіе это впрочемъ высказано было уже давно Кастреномъ и академикомъ Шифнеромъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ собрали не мало и фактическихъ данныхъ для его подтвержденія ¹⁾. Въ одной изъ статей своихъ о „Сампо“, знаменитомъ сокровищѣ финскаго эпоса, г. Шифнеръ высказываетъ между про-

¹⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie*, стр. 82, 164 и слѣд., 169 и слѣд., 203, 210 и слѣд., 298 и слѣд.; отрывокъ отсюда: «Was bedeuten die Wörter Jumala und Ukko in der finnischen Mythologie» см. въ *Mélanges Russes*, т. II (St.-Pbrg, 1852), стр. 176 и слѣд. и по русски: *Учен. Зап. Импер. Акад. наукъ по I-му и III-му Отдѣл.*, т. I. Статьи А. А. Шифнера о финской и эстской мифологіи и о народномъ творествѣ Финновъ и Эстовъ см. въ *Mélanges Russes*, т. I, II и IV; вторая статья о значеніи «Сампо» помѣщена также въ *Уч. Зап. Ак. наукъ*, I (1863).

чимъ слѣдующія соображенія: „Западныя вѣтви Финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія о богахъ, но узнали и припили готовое лишь тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами Индо-Германскаго. (Арійскаго) племени, опередившими ихъ въ образованіи... Но принявъ новое ученіе отъ сосѣдей, больше ихъ образованныхъ, они крѣпко держались его, и безъ сомнѣнія, сохранили нѣкоторыя черты древнесѣверныхъ мифовъ, давно исчезнувшія въ Скандинавіи и въ дошедшей до насъ письменности“ ¹⁾. Въ той же статьѣ ученый академикъ замѣчаетъ, что въ такомъ же зависимомъ отношеніи финскій эпосъ находится и къ русскому, и что многія черты, которыя доселѣ считались перешедшими въ русскія сказки изъ финскихъ рунъ, на самомъ дѣлѣ всего скорѣе совершили обратный путь: „Кажется даже, какъ будто нѣкоторыя существенныя явленія въ Калевалѣ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь сказочнымъ цикламъ“. Въ другой монографіи г. Шифнера находимъ не менѣе важныя указанія о томъ, что народное творчество Финновъ позаимствовалось эпическимъ матеріаломъ и отъ Литовцевъ ²⁾. Въ виду столь установившагося мнѣнія и достаточнаго количества собранныхъ фактовъ г. Алквисту не предстояло надобности входить въ особыя подробности въ настоящемъ случаѣ, и потому, говоря о свидѣтельствахъ языка относительно до-христіанскихъ вѣрованій Финновъ, онъ ограничился лишь нѣсколькими примѣрами заимствованій въ этой сферѣ.

Такъ, поклоненіе небу было однимъ изъ основнѣйшихъ принциповъ религіи, господствовавшей у Урало-Алтайскихъ народовъ. И тѣмъ не менѣе, въ западно-финскихъ языкахъ названіе неба является заимствованнымъ: у Финновъ собственно и у Води небо называется *taiwas*, у Эстовъ *taevas*, у Ливовъ *tovas*. Должно замѣтить, что представленія о небѣ, богѣ грома и божествѣ вообще, какъ доказалъ Кастренъ, — нерѣдко у Финскихъ народовъ смѣшиваются ³⁾; такъ, слово *jumala*, первоначально значившее — родина грома, съ теченіемъ времени получило у Финновъ значеніе бога грома и вообще божества. Выѣсто же того, они позаимствовали у Литовцевъ, какъ названіе неба, *die-*

¹⁾ Записки Импер. Акад. наукъ, т. I, стр. 135; ср. *Mélanges Russes*, т. IV, стр. 195 и слѣд., также 157 и 158.

²⁾ Ueber Kalewa und Kalewingen, въ *Mélanges Russes*, IV, стр. 255 – 288.

³⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen ueber die Finnische Mythologie*, стр. 130 и сл.

vas, подѣ коимъ литовскій языкъ разумѣетъ теперь вообще божество, но которое въ древности было именемъ какого-нибудь особаго бога. Существованіе этого слова въ большей части арійскихъ языковъ (санскр. *dēva*, греч. *θεός*, *Zeús*, лат. *deus*, *divus*, латышск. *dēvs*, русск. *divъ* и т. д.) несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чисто арійскомъ его корнѣ. Отъ Литовцевъ же, по видимому, Финны взяли и другое слово— *perkele*, означающее лукаваго или Сатану; прототипъ этого слова есть лит. *perkūnas*, латышск. *pērkonš*, значившее въ древности богъ грома, а теперь просто громъ. Сюда примыкаетъ и слав. *Перунъ*, и кажется, отъ этой послѣдней формы слѣдуетъ производить другое общераспространенное финское названіе дьявола — *piru*. У Лопарей, къ которымъ оба эти слова перешли отъ Еми, мы встрѣчаемъ ихъ въ формѣ *bærgalak* и *birru*; у Эстовъ финскому слову *perkele* соответствуетъ *põrgel*, отъ котораго, въ свою очередь, образовалось *põrgu*, адъ. Изъ длиннаго ряда миѳическихъ представленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и означающихъ ихъ словъ, заимствованныхъ Финнами отъ Скандинавскихъ народовъ, г. Алквистъ указываетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ: финское названіе водяного духа *näkki* происходитъ отъ др.-шведск. *nīkr*, позже *necken*, *näck*, имѣющаго то же значеніе; по замѣчанію г. Алквиста, слово *näkki* замѣнило собою названія всѣхъ другихъ водныхъ божествъ, если только они когда-либо извѣстны были за предѣлами Карелы. Здѣсь кстати замѣтить, что, по миѳію Кастрена, упоминаемое въ Калевалѣ водное миѳическое существо— *Wetehinen*, то-есть, въ водѣ пребывающій, какъ по образу своему, такъ и по названію (sowohl begrifflich, als etymologisch) соответствуетъ русскому *Водяному*. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ Кастрень,—„представленіе объ этомъ существѣ заимствовано Финнами изъ славянской миѳологіи, гдѣ Водяной играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ *Wetehinen* въ финской“¹⁾. Другой любопытный примѣръ заимствованія скандинавскихъ повѣрій Финнами указанъ г. Алквистомъ въ миѳической личности *para*; такъ называютъ они нѣкотораго мелкаго духа, который сосетъ чужихъ коровъ и въ желудкѣ своемъ приноситъ эту добычу въ домъ къ своей хозяйкѣ, въ ея маслобойную кадку. У Шведовъ такое же существо носитъ названіе *bjåra* или *bara*, а въ древне-сѣверномъ языкѣ оно называлось *tilberi*.

Новыя представленія и попятія, принесенныя къ Финнамъ хри-

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

стіанскимъ ученіемъ, породили цѣлую массу новыхъ словъ: нѣкоторая доля ихъ образовалась изъ собственнаго лексическаго запаса финскихъ языковъ, но бѣльшая часть заимствована изъ языковъ сосѣднихъ народовъ, которые возвѣстили христіанство Финнамъ. Есть примѣры усвоенія ими чужихъ словъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ихъ собственныхъ языкахъ могло бы найдтись самобытное выраженіе для соотвѣтствующаго понятія. Такъ, для выраженія понятія о молитвѣ во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ нашлись самобытныя слова: финск. *rukous*, лопск. *rokkadus*, этск. *palve*. Всѣ названныя языки обладаютъ также самобытными словами для означенія духа: финск. *henki*, этск. *hing*, лопск. *hæg*; но для означенія христіанскаго понятія о душѣ, слово это осталось только въ этскомъ языкѣ, тогда какъ въ финскомъ собственно и лопскомъ явились слова *sielu*, *siello*, очевидно происходящія отъ нѣм. *Seele*, ст.-шв. *sial*, *siael*. Точно также для выраженія понятія о вѣрѣ собственно финскій языкъ употребляетъ самобытное слово *usko*, которому въ этскомъ соотвѣтствуетъ *usk*, и въ лопскомъ — *ossko*; въ русско-карельскомъ же это понятіе высказывается словомъ *vieru*, очевидно, съ русск. *вѣра*. Понятіе о грѣхѣ въ южно-емскихъ нарѣчійхъ означается словомъ *patt*, отъ самобытнаго финскаго корня; но сверхъ того, въ финскомъ же и лопскомъ языкахъ находимъ *sunti*, *suddo*, съ нѣмецк. *Sünde*, а въ русско-карельскомъ *reähgü*, съ русск. *грѣхъ* (греч. *χρέος*).

Разумѣется, еще рѣзче видны заимствованія финскихъ языковъ въ терминологіи богослуженія и церковной іерархіи; оно и не могло быть иначе по самому свойству предмета, и потому интересъ этихъ заимствованій заключается не столько уже въ количествѣ или значеніи ихъ, сколько въ томъ, откуда, изъ какого языка взято то или другое слово. Такъ нѣкоторыя слова, относящіяся до предметовъ церковной жизни, попали въ языки Балтійскихъ Финновъ частію съ запада, частію съ востока; напримѣръ, монастырь въ Западной Финляндіи называется *kluostari*, *luostari*—отъ шведск. *kloster* (латинск. *claustrum*), а въ Восточной Финляндіи — *monasteri*, отъ русск. *монастырь* (греч. *μοναστήριον*); церковь у Финновъ-Еми — *kirikko*, у Финляндскихъ Кареловъ *kirikkö*, у Эстовъ *kirik* и т. д.—со шведск. *kyrka*, *kyrkia*, а у Русскихъ Кареловъ *tserkva*; монахи имѣть по фински двойное названіе: *munk* — отъ шведск. *munkki*, и *manaha* — отъ русскаго слова. Символь христіанства, крестъ носить въ западно-финскихъ языкахъ названіе русскаго происхожденія: финск. *risti*, этск. *rišt*, вепск. и ливск. *rist*, и это можетъ служить доказательствомъ,

что русскіе православные проповѣдники принесли христіанство къ Финнамъ, вѣроятно, задолго до завоеванія страны Шведами. Только Лопари, къ которымъ христіанская проповѣдь проникла изъ Швеціи, называютъ крестъ *kruos*, *ruossa* отъ сканд. *kors*, *kross*. Въ господствующихъ у Балтійскихъ Финновъ названіяхъ священника — финск. и вотск. *rappi*, лопск. вепск., этск. *por* и т. д., нельзя не узнать русск. *попъ*, что также свидѣтельствуетъ въ пользу первоначальнаго принесенія христіанства къ Финнамъ изъ Руси.

Г. Алавистъ отводитъ даже литовскимъ языкамъ долю вліянія на финскіе въ кругу словъ, выражающихъ церковныя понятія. Такъ, ливск. *raganõs*, этск. *ragan*, финск. *rakana*, лопск. *baken*, *rakena* и даже вепск. *ragan*, нечистый, г. Алквистъ объясняетъ лит. *ragónas*, латышск. *ragans*—отъ лат. *raganus*. Весьма однако вѣроятно, что всѣ эти формы одного и того же слова заимствованы изъ русскаго языка, въ которомъ *поганскій*, *поганный* въ древности значило не только нечистый, но и прямо языческій, въ противоположность христіанскому. Точно также финское названіе Священнаго Писанія—*raamattu*, этск. *raamat*, ливск. *rãmd*, образовалось по мнѣнію г. Алквиста, изъ литовскаго *grómata*, письмо, или латышск. *gramata*, письмо, писаніе, книга; литовскіе же языки получили это, греческое по происхожденію, слово изъ славянскаго. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы выводить финскія формы прямо изъ славянской, безъ посредства литовскихъ нарѣчій.

Еще нѣсколько словъ—о томъ, какія данныя собраны г. Алквистомъ въ западно-финскихъ языкахъ относительно дѣленія времени и праздниковъ.

Въ названіяхъ минуты и часа западно-финскіе языки колеблются между выраженіями самобытными и заимствованными у Шведовъ; за то день—финск. и вотск. *päivä*, вепск. *päiv*, этск. *päev*, ливск. *päiva*, лопск. *bäivve*—получилъ имя чисто самобытное отъ солнца или солнечнаго, дневнаго свѣта. Названіе ночи также не заимствованное, и притомъ возводится къ одному корню не только въ западныхъ, но и въ восточныхъ финскихъ языкахъ. Недѣля у Финновъ собственно и Лопарей называется согласно съ старо-шведскимъ, затѣмъ у прочихъ Западно-Финскихъ племенъ и у большей части Восточныхъ Финновъ, обитающихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, встрѣчается болѣе или менѣе передѣланное русск. *недѣля*, и только у Вогуловъ и Остяковъ (а также у Мадьяръ) находимъ самобытное слово *soat*, *tläbet*, что по первоначальному смыслу значитъ семь (ср.

слав. седмица). Воскресный день и вообще праздникъ въ финскомъ собственно носятъ названія тожественныя; прочіе же шесть дней недѣли именуются частью просто по счету, частью словами шведскаго корня. Названіе мѣсяца во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ самобытное—*kuu*, кромѣ однако лопскаго, гдѣ употребляется взятое изъ скандинавскаго слова *tanu*; при этомъ должно замѣтить, что и *kuu*, и *tanu* суть въ то же время названія луны. Древніе Финны, подобно многимъ народамъ Сибири, а также обитателямъ острововъ Тихаго океана, дѣлили годъ не на двѣнадцать, а на тринадцать мѣсяцевъ¹⁾: соотвѣтственно тому въ нарѣчій Русскихъ Кареловъ сохранилось для нихъ тринадцать названій; коренной смыслъ какъ этихъ послѣднихъ, такъ и современныхъ названій мѣсяцевъ у Финновъ собственно и у Эстовъ г. Алквистъ объясняетъ преимущественно различными явленіями природы, относящимися къ тому или другому времени года.

Что касается праздниковъ, то названія ихъ почти всѣ заимствованы Балтійскими Финнами отъ народовъ, которые принесли имъ христіанство: поэтому здѣсь встрѣчаются и шведскія, и датскія, и нѣмецкія, и русскія слова въ финской передѣлкѣ, и только одинъ христіанскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ, кромѣ официальнаго церковнаго названія — финск. *pyhäin miesten päivä*, святыхъ мужей день, эстск. *pühade päev* — имѣетъ еще народное финское названіе *kekri* или новѣе *keyri*. Въ особенности оно распространено въ Восточной Финляндіи и объясняется тѣмъ, что такъ называлось у Финновъ, въ языческую эпоху, божество, служившее хранителемъ стадъ; празднованіе ему, совершавшееся осенью, было, по принятіи Финнами христіанства, перенесено на день Всѣхъ Святыхъ; и понынѣ во многихъ мѣстностяхъ въ этотъ день въ каждомъ домѣ убивается баранъ, пьется водка, пиво и кофе, а молодежь веселится пляской и играми.

Въ древнее время на этомъ праздникѣ, равно какъ и на другихъ празднествахъ народныхъ, удобнѣе всего могло проявляться народное творчество Финновъ въ произведеніяхъ музыки и поэзіи. Этимъ-то выраженіямъ финскаго народнаго духа г. Алквистъ посвящаетъ слѣдующія послѣднія строки своего обзора лексическихъ данныхъ о древнемъ финскомъ бытѣ: Начиная съ остроумныхъ загадокъ — *ar-*

¹⁾ Ср. монографію акад. А. А. Шифнера *Das dreizehnmönatliche Jahr und die Monatsnamen der Sibirischen Völker* въ *Mélanges Russes*, III, стр. 307 и сл., и дополненіе къ ней д-ра *Крейвальда*, тамъ же, стр. 400 и сл.

voitukset, arvutukset, и мудрыхъ пословицъ — *sananlaskut*, выраженныхъ въ стихотворной формѣ, финское народное творчество восходитъ по всѣмъ ступенямъ величественной лирики въ миѳическихъ пѣсняхъ и въ заговорахъ, смѣло возносясь до познанія начала всѣхъ вещей, и въ чудныхъ пѣсняхъ воспѣваетъ дѣянія предковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Финны принесли даръ пѣсенъ изъ своей прародины; но сознали они этотъ даръ и стали имъ пользоваться лишь на берегахъ Балтійскаго моря: это видно, между прочимъ, изъ того, что ихъ восточные родичи не обладаютъ ни стройно сложенною народною пѣсню, ни правильнымъ стихосложеніемъ, а лишь въ высшей степени простыми и бѣдными балладами въ размѣренной формѣ; въ послѣднихъ не замѣтно притомъ никакихъ слѣдовъ аллитераціи; такимъ образомъ и это украшеніе стиха въ поэзію Западныхъ Финновъ проникло подъ вліяніемъ народовъ Германскихъ, развившихъ его до высокой степени. Самое названіе пѣсенъ—*runo*, первоначально примѣнявшееся только къ пѣснямъ волшебнымъ, по видимому, заимствовано Финнами отъ этихъ народовъ.

VI.

Общіе выводы о древнемъ бытѣ Западныхъ Финновъ. — Современный бытъ Вогуловъ по личнымъ наблюденіямъ г. Алквиста. — Заключение.

Послѣдняя глава любопытной монографіи г. Алквиста содержитъ въ себѣ тѣ общіе выводы, которые истекаютъ изъ частнаго разсмотрѣнія лексическаго запаса западно-финскихъ языковъ, какъ свидѣтельства о древней культурѣ Балтійскихъ Финновъ.

„Если“, говоритъ онъ,— „мы бросимъ взглядъ на то, что уже было высказано нами въ преддущемъ, то найдемъ, что положеніе Западныхъ Финновъ въ эпоху ихъ прихода на Балтійское побережье было приблизительно слѣдующее: Они кормились преимущественно отъ охоты и рыболовства. Главнымъ домашнимъ животнымъ была у нихъ собака, но держали они также и лошадей, и коровъ, хотя изъ молока коровьяго еще не умѣли готовить ни масла, ни сыра. Овцу, козу и свинью они стали разводить только въ Балтійскомъ побережьи. Земледѣліе, по видимому, не было имъ совершенно чуждо, но то было земледѣліе кочующихъ народовъ, то-есть, простое распаханіе нови; изъ видовъ хлѣба имъ былъ извѣстенъ только ячмень, а изъ корнеплодныхъ растений только рѣпа. Отъ сосѣднихъ народовъ Прибалтійскихъ странъ научились они болѣе совершенной обработкѣ земли, а

также употребленію болѣе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, и стали засѣвать пшеницу, рожь, овесъ и стручковые плоды. Жилищемъ для семьи былъ шалашъ — *kota*, который строился конусообразно изъ древесныхъ стволовъ или жердей и иногда опирался на стволъ большого дерева, а зимою покрывался звѣриными шкурами; другаго рода жилище составляла *sauna*, выкопанное въ землѣ углубленіе или землянка съ крышею надъ землею. Внутреннее устройство такого жилища было въ высшей степени просто: оно имѣло дверь, въ верху отверстіе для выхода дыма и по срединѣ — состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ камней мѣсто для разведенія огня; но не было въ немъ ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проходилъ или черезъ открытую дверь, или черезъ отверстіе, назначенное для выхода дыма. Съ рублеными жилищами, имѣющими крышу и полъ, съ отверстіями для воздуха, а позже съ окнами въ стѣнахъ, со скамьями и печами Финны познакомились только по приходѣ къ Балтійскому морю. Простая домашняя утварь состояла изъ нѣсколькихъ ящиковъ, плетушекъ и деревянной посуды. Остальное движимое имущество составляли принадлежности рыболовства и охоты, лыжи, санки и лодки. Орудіями передвиженія зимою служили лыжи, или же ѣздили на оленяхъ; лѣтомъ странствовали пѣшкомъ или верхомъ, а также въ лодкахъ. Дорогъ и ѣзды на колесахъ не существовало. Одежда состояла исключительно изъ звѣриныхъ шкуръ; одежду шила хозяйка дома костяными иглами. Мужчины дѣлали лодки, а также изготовляли принадлежности охоты и рыболовства. Что касается до другихъ промысловъ и рукодѣлій, то кажется, только кузнечное дѣло съ древнихъ временъ было знакомо Западнымъ Финнамъ, да и то можно еще сомнѣваться, было ли знаніе этого ремесла принесено ими изъ ихъ прародины. Изъ металловъ были имъ извѣстны, кажется, только мѣдь и серебро. Изъ рабочихъ инструментовъ для деревянныхъ подѣлокъ они знали только ножъ; каменный топоръ, по всей вѣроятности, былъ у древнихъ Финновъ въ употребленіи, но самое названіе этого оружія утратилось; съ желѣзнымъ же топоромъ они познакомились только на Балтійскомъ побережьѣ. Что касается до выдѣлки тканей, то вѣроятно, они знакомы были только съ валяемъ войлоковъ, хотя впрочемъ умѣли прясть нитки веретеномъ изъ волокнистыхъ кропивныхъ растений. Съ овцой они познакомились только здѣсь, а равнымъ образомъ и съ искусствомъ изготовлять изъ шерсти овцы пряжу и ткани. Но имъ было извѣстно дубленіе шкуръ, и для лѣтней одежды они красили просты-

ми красками какъ дубленныя шкуры, такъ и нитки, которыя пряли изъ кропивныхъ растений. Съ моремъ и мореплаваніемъ Финны познакомились только на побережья Балтійскаго и Бѣлаго морей. До прибытія въ Прибалтійскія страны суда ихъ состояли изъ небольшихъ простыхъ лодокъ для плаванія по рѣкамъ; суда ихъ не имѣли парусовъ, и гребли на нихъ не тѣмъ способомъ, какъ въ настоящее время, а посредствомъ вращенія одного или многихъ веселъ особаго вида, которыя на финскомъ языкѣ называются *mela*. Городовъ не было. Торговля была мѣновая. Денегъ, какъ мѣрила цѣнности, древніе Финны не знали. Средствомъ для мѣновой торговли были мѣха, преимущественно бѣличья, на которые Финны вымѣнивали у живущихъ на югѣ народовъ немногіе иноземные товары, для нихъ необходимыя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣръ длины, употребленіе мѣры и вѣса было заимствовано отъ сосѣднихъ народовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Семейная жизнь у Финновъ была, кажется, достаточно развита. Многочисленныя названія по этой части, по большей части самобытныя и общія большинству финскихъ языковъ, служатъ доказательствомъ тому, что выражаемыя ими понятія сложились прежде, чѣмъ произошло на востокѣ раздѣленіе Финскихъ племенъ. Но бракъ и соединенные съ нимъ обряды, по видимому, еще въ періодъ язычества подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ вслѣдствіе соприкосновенія съ Литовскими народами. Рабовъ не было, но были наемные свободные слуги и работники. Нѣчто въ родѣ общины, подъ названіемъ *ritäjä*, существовало, по видимому, у нѣкоторой части Эми; такая община имѣла своего главу и воинскаго начальника, которому, можетъ быть—то соглашенію или по древнему обычаю, принадлежало право разбирать распри. Писанныхъ законовъ и собственно судей не было, а также не было наслѣдственныхъ князей и вообще никакого государственнаго устройства. Вообще кажется, древніе Финны, какъ всѣ кочевые и живущіе охотою народы, цѣнили болѣе безграничную индивидуальную свободу, чѣмъ спокойствіе и безопасность, которая въ государствѣ покупается цѣной ограниченія этой свободы. Этимъ отращеніемъ жить вмѣстѣ, которое и въ настоящее время отчасти замѣтно у Финскихъ племенъ, можно объяснить, почему сосѣднимъ народамъ славянскаго и германскаго происхожденія такъ легко было подчинить себѣ Прибалтійскихъ Финновъ. Религія ихъ была шаманская, общая всѣмъ Урало-Алтайскимъ народамъ, прежде чѣмъ проникли къ нимъ буддизмъ, исламъ и христіанство. Что касается до Балтійскихъ Финновъ, то кажется, они уже во времена язычества

заимствовали отъ сосѣднихъ Литовскихъ народовъ разныя религіозныя представленія, чуждыя шаманству. Христіанская проповѣдь явилась къ Финнамъ прежде всего, кажется, отъ Русскихъ, но собственно распространилась и утвердилась христіанская религія среди Финновъ стараніями шведскихъ и нѣмецкихъ миссіонеровъ.

„Вотъ“, заключаетъ г. Алквистъ,—„въ самыхъ общихъ чертахъ картина культурнаго состоянія и образа жизни Балтійскихъ Финновъ въ то еще время, когда на нихъ не успѣли отказать вліяніе осѣдлые у Балтійскаго Моря народы арійскаго происхожденія. Что картина эта вѣрна и изображаетъ собою дѣйствительность, конечно, нельзя доказать съ полною очевидностію, но вѣроятность этого очерка подтверждается тѣмъ культурнымъ состояніемъ Угорскихъ Финновъ, въ которомъ они находятся еще и въ настоящее время“.

И въ самомъ дѣлѣ, климатъ и природа страны, въ которой живутъ Вогулы и Остяки, именно—пространства отъ средняго Урала до нижняго теченія Иртыша и до средняго теченія Оби, очень близко схожи съ климатомъ и природой страны на западъ отъ Урала подъ тѣмъ же градусомъ сѣверной широты, то-есть, съ климатомъ и природой сѣверной части Европейской Россіи, иначе—той страны, гдѣ Западные Финны, вѣроятно, жили за много вѣковъ до того, какъ пришли къ Балтійскому морю. Сходство это будетъ еще больше, если представить себѣ послѣднюю страну не тронутую замедѣлемъ и вообще безъ той культуры, которую внесли въ нее Русскіе, и которая естественнымъ образомъ имѣла вліяніе и на климатъ. Съ другой стороны, извѣстно, что на Вогуловъ и Остяковъ арійская и вообще всякая чужая культура оказала лишь весьма малое и непродолжительное вліяніе, а потому они и отстали отъ своихъ западныхъ братьевъ на цѣлыя столѣтія и стоятъ на той же или почти на той же степени культуры и ведутъ почти тотъ же образъ жизни, какой за много вѣковъ предъ симъ при одинаковыхъ условіяхъ, вели всѣ Финскіе народы. Вслѣдствіе этихъ-то обстоятельствъ, полагаетъ г. Алквистъ,— и можно нынѣшній образъ жизни и культурное состояніе Угорскихъ Финновъ сопоставлять съ тѣмъ, чтò мы можемъ узнать объ образѣ жизни и степени культуры Финновъ въ то время, когда они пришли съ востока въ Прибалтійскія страны. Въ подтвержденіе этого своего соображенія г. Алквистъ предлагаетъ сравнить сейчасъ набросанную имъ картину древняго финскаго быта съ разказами Кастрепы о бытѣ Угорскихъ Остяковъ, или съ тѣмъ, чтò ему самому удалось подмѣтить о жизни Вогуловъ. Это дастъ г. Алквисту поводъ привести цѣлымъ тѣ наблюденія

надъ Вогулами, которыя были имъ сдѣланы въ 1858 году, во время пятинедѣльнаго пребыванія среди нихъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ эти наблюденія были тогда же имъ записаны. Съ своей стороны, и мы считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь этотъ любопытный этнографическій очеркъ, какъ прямое подтвержденіе основной мысли, развитой въ монографіи почтеннаго финскаго ученаго ¹⁾:

„На востокъ отъ средняго Урала между 59-мъ и 64-мъ градусами сѣверной широты тянутся параллельно съ Уральскими горами, одна возлѣ другой, три или четыре незначительныя и узкія возвышенности, которыя совершенно изолированы отъ Урала, а также не имѣютъ никакой связи и между собою. Между этими возвышенностями, которыя на мѣстномъ русскомъ языкѣ называются увалами, беретъ начало и протекаетъ множество рѣкъ, частью довольно значительныхъ и соединяющихся или непосредственно, или чрезъ другія рѣки съ огромною рѣкой Иртышемъ-Обью. Значительнѣйшія изъ этихъ рѣкъ суть слѣдующія: 1) *Тура*, которая течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ Тоболь; 2) *Тавда*, образующаяся изъ двухъ параллельно текущихъ на юго-востокъ рѣкъ — *Сосвы Южной* и *Лозвы*; Тавда принимаетъ въ себя текущій съ сѣвера *Пельмъ* и впадаетъ также въ Тоболь; 3) *Конда*, большая рѣка, образующая своимъ теченіемъ подобіе подковы, принимаетъ въ себя множество болѣе малыхъ притоковъ и впадаетъ въ Иртышъ; 4) *Сосва Сѣверная* ²⁾, образ-

¹⁾ Присоединяемъ къ этому очерку лишь нѣсколько поправокъ и дополненій, основанныхъ преимущественно на указаніяхъ Н. К. Чупина, который знакомъ съ Вогулами по своей многолѣтней жизни въ Пермской губерніи. Г. Чупинъ познакомился съ наблюденіями г. Алквиста по статьѣ берлинскаго ученаго Шотта въ *Erman's Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland*, т. 20, которую перевелъ и напечаталъ со своими примѣчаніями въ весьма мало распространенномъ изданіи — *Сборникъ Пермскаго земства* за 1871 г., кн. I; статья же Шотта есть въ сущности сокращенный переводъ статьи г. Алквиста, напечатанной въ одномъ финскомъ журналѣ; что очеркъ г. Алквиста былъ еще въ 1858 году напечатанъ самимъ авторомъ по нѣмецки же въ *Бюллетень Академіи Наукъ*, — осталось неизвѣстнымъ г. Чупину.

²⁾ Названія Сосва и Лозва, безъ сомнѣнія, зырянскія, внесенныя въ русскій языкъ Зырянами, которыя первоначально познакомили Русскихъ съ этою страню. Слово *ша* по зырянски означаетъ воду и встрѣчается во многихъ названіяхъ рѣкъ въ странѣ, обитаемой Зырянами и Пермскими, напримѣръ, Козва, Лизва, Койва, Яйва, Вильва, Сейва, Усва, Кялва и т. д. На вогульскомъ языкѣ какъ Сѣверная, такъ и Южная Сосва называются Таитъ; по русски Южная Сосва, послѣ соединенія ея съ Лозвой, также принимаетъ свое первоначальное названіе и именуется Тавдой. *Примѣчаніе г. Алквиста.*

ующаяся у подошвы Урала изъ соединенія многихъ маленькихъ рѣкъ, имѣеть въ своемъ теченіи почти форму буквы *S* и впадаетъ въ Обь недалеко отъ Березова; самый большой ея притокъ съ запада *Сивга* или *Ляпина* (на вогульскомъ языкѣ *Сакуя*), а съ юга *Танся* ¹⁾.

„За исключеніемъ мѣстностей около Туры и Южной Сосвы, гдѣ земледѣліе производится весьма успѣшно, вся страна, омываемая этими рѣками, состоитъ изъ лѣсовъ и бездонныхъ болотъ, которыя человѣкъ еще никогда не пытался, и вѣроятно, никогда и не попытается подчинить своему господству. Самыя распространенныя породы въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ суть сосна, береза, ель, пихта, ива, кедръ и лиственница. Богатство этихъ лѣсовъ, а слѣдовательно, и богатство страны состоитъ изъ обитающихъ тутъ звѣрей, каковы: бобры, которые однако теперь встрѣчаются рѣдко, лисицы, также уже порѣдчавшія, песцы, встрѣчающіеся болѣе на сѣверѣ, соболи, которыхъ ловятъ въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ горностаями и бѣлками. Кромѣ этихъ пушныхъ звѣрей, которыхъ ловятъ ради ихъ мѣха, нужно также назвать въ числѣ лѣсныхъ обитателей лося или сохатаго и обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ (рябчиковъ, куропазовъ и тетеревей), которыхъ жители ловятъ себѣ на пищу ²⁾. Рѣки, именно Сѣверная Сосва и Обь, такъ богаты различнаго рода рыбою, что человѣку, не жившему здѣсь долгое время, не возможно узнать и исчислить всѣ породы.

„Въ этой странѣ съ незапамятнымъ временемъ живутъ Вогулы, которые съ ихъ близкими родичами Остяками уже въ древнія времена были извѣстны подъ именемъ Югры или Угровъ, но сами себя они называютъ Мансами (*Mañsi*). Я не намѣренъ вдаваться въ историческія изслѣдованія, а также не буду увеличивать числа болѣе или менѣе счастливыхъ предположеній, которыя высказаны относительно названій Мансовъ и Вогуловъ; но касательно сего по-

---

¹⁾ На картѣ Ревули (Ethnogr. geograph. Karte des nördlichen Ural-Gebiets, entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844 bis 1845 von Anton v. Reguly, St.-Petersburg 1845), которая вообще довольно подробна и вѣрна, названіе это написано Тапла (Täp̄lia), а равнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вогульскихъ наименованіяхъ замѣчается странное смѣшеніе буквъ *l* и *s*; напримеръ, *Maslau* вмѣсто *Massau*, а *Lep̄lia* вмѣсто *Lep̄jä* и т. д.; это тѣмъ болѣе удивительно, что г. Ревули былъ самъ на мѣстѣ, и слѣдовательно, могъ слышать правильное наименованіе изъ усть самихъ Вогуловъ.

Примѣчаніе в. Алквиста.

²⁾ Въ числу четвероногихъ г. Чупинъ присоединяетъ еще медвѣдя.

слѣднаго должно замѣтить, что названіе это на самомъ мѣстѣ въ Сибири никѣмъ не употребляется, такъ какъ въ окрестностяхъ Пельма Русскіе называютъ Вогуловъ просто инородцами или ясачными, а въ Березовскомъ уѣздѣ, какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, называютъ Остяками ¹⁾. Предположеніе г. Регули (въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, изд. Бера и Гельмерсена, томъ IX), что Вогулы не первобытные обитатели этой страны, а лишь сравнительно въ позднѣйшее время переселились сюда съ юга, ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ того, названія рѣкъ, озеръ и горъ не только въ той странѣ, гдѣ теперь живутъ Вогулы, но и гораздо южнѣе и западнѣе, гдѣ издавна обитаютъ другіе народы, доказываютъ, что Вогулы были первобытными обитателями этихъ мѣстностей и давали названія тамошнимъ урочищамъ, но были постепенно вытѣсняемы болѣе сильными сосѣдями. Богатство вогульскаго языка относительно мѣстныхъ явленій природы и произведеній можетъ также служить доказательствомъ, что Вогулы весьма давно водворились въ этой странѣ.

„Южную границу занимаемой ими въ настоящее время области составляютъ рѣки Лозва и Тавда; но на сей послѣдней встрѣчаются Вогулы только въ трехъ небольшихъ деревняхъ Кошутской волости ²⁾; на западѣ Уралъ служитъ ихъ естественною гранью со страной, обитаемою Зырянами; къ сѣверу область Вогуловъ распространяется не далѣе какъ по сѣвернымъ притокамъ Сѣверной Сосвы, а на востокъ простирается до соединенной рѣки Иртышъ-Оби въ окрестностяхъ Березова, между тѣмъ какъ болѣе къ югу берега какъ Оби, такъ и Иртыша, находятся въ области Остяковъ. Въ административномъ отношеніи Вогулы относятся къ двумъ губерніямъ, именно: Пермской, гдѣ они живутъ въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, и Тобольской, гдѣ занимаемая ими мѣстность находится въ округахъ Туринскомъ и Березовскомъ. Число ихъ сравнительно съ пространствомъ, въ которомъ они живутъ, весьма невелико. Въ Тобольской губерніи считается приблизительно 900 душъ Вогуловъ, платящихъ

¹⁾ По свидѣтельству г. Чупина, Русскіе въ Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ Пермской губерніи употребляютъ и названіе Вогуловъ; Зыряне зовутъ ихъ Вакулясъ; Вогулы же Березовскаго уѣзда, живущіе въ Ляпинской и Сосвинской волостяхъ, называются дѣйствительно Остяками Ляпинскаго нарѣчія.

²⁾ Въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи (С.-Пб., 1871) упоминается, подъ № 2698, сел. Кошукское.

ясакъ, а если на каждого ясачнаго положить по шести не ясачныхъ, что будетъ почти вѣрно,—то число Вогуловъ, живущихъ въ губерніи, получится приблизительно въ 5.400 человекъ; въ Пермской губерніи все число ихъ не превышаетъ 900 человекъ; такимъ образомъ, общее число всѣхъ Вогуловъ составляетъ нѣсколько менѣе шести съ половиною тысячъ душъ обоего пола. Причинами такого слабаго населенія—суровость климата, образъ жизни, уменьшеніе пушнаго звѣря и происшедшее отъ того общее обѣдненіе, и наконецъ,—высокая плата за обрядъ вѣнчанія, вслѣдствіе чего многіе молодые люди изъ Вогуловъ, не имѣя возможности внести ее, остаются холостыми. Въ Березовскомъ округѣ вступленіе въ бракъ затрудняется еще обычаемъ платить калымъ за невѣсту. Къ общимъ причинамъ слабаго населенія должно также отнести заразительныя болѣзни, изъ которыхъ оспа и сифилисъ причиняли большія опустошенія между Вогулами ¹⁾. Въ сосѣдствѣ съ Русскими число ихъ уменьшается и потому еще, что многіе Вогулы идутъ въ работники къ Русскимъ, отвыкаютъ отъ своего роднаго образа жизни и привыкаютъ къ быту Русскихъ, къ употребленію водки и такимъ образомъ отчуждаются отъ своего народа. Вообще мѣстные чиновники жалуются, что число какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, ежегодно уменьшается,—но это составляетъ неизбѣжную долю всѣхъ тѣхъ народовъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей и не хотятъ подчиниться ея владычеству ²⁾.

„Вогуловъ по образу жизни можно назвать осѣдлымъ охотничьимъ народомъ. Побочными промыслами являются у нихъ на югѣ, около рѣкъ Лозвы и Пельма, кое-какое земледѣліе и скотоводство, а на сѣверѣ около Сосвы рыболовство и отчасти оленеводство. Но главное и любимѣйшее занятіе Вогула составляетъ охота: онъ производитъ ее какъ изъ своего дома, такъ и изъ юрты, которую ставятъ въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ роднаго поселка. Охота на лосей начинается въ августѣ или сентябрѣ, такъ какъ животное это бываетъ тогда особенно жирно. Любимымъ мѣстопробываніемъ лосей

¹⁾ Это не согласно съ показаніемъ д-ра Н. Маліева, который въ числѣ 49 Вогуловъ, видѣнныхъ имъ въ сѣверной части Верхотурскаго уѣзда не нашелъ ни одного сиемелитика, не смотря на то, что на эту болѣзнь обращалъ особое вниманіе; см. Отчетъ о Вогульской экспедиціи *Н. Маліева* (Каз., 1872 г.), стр. 16.

²⁾ Напротивъ того, по свѣдѣніямъ г. Маліева, численность Вогуловъ обрусѣвшихъ значительно увеличивается, Вогулы же дикіе дѣйствительно уменьшаются въ числѣ; см. его Отчетъ, стр. 19.

служать сухіе острова среди болотъ, гдѣ главную ихъ пищу составляетъ зеленая трава; нерѣдко случается, что Вогуль, чтобъ усилить произрастаніе травы, выжигаетъ такую мѣстность; этимъ объясняются частые пожары, которые въ Сибири опустошаютъ лѣса, не имѣющіе здѣсь, конечно, еще никакой цѣнности. Въ такихъ мѣстностяхъ Вогуль скоро находитъ слѣдъ лося и начинаетъ его преслѣдовать со своими собаками; нерѣдко преслѣдованіе продолжается четыре, пять дней, а иногда и цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ лось подпуститъ охотника на такое близкое къ себѣ разстояніе, чтобы тотъ могъ стрѣлять въ него. Если выстрѣлъ былъ удачный, то убитое животное на самомъ мѣстѣ боя свѣжуетъ на части, и затѣмъ на деревѣ или на высокихъ столбахъ устраивается кладовая, гдѣ разрѣзанное на узкія полосы мясо вялится и сберегается отъ медвѣдей и другихъ хищныхъ животныхъ до зимы, когда его уносятъ отсюда. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ водятся лоси, ставятъ также большіе луки, которые сами стрѣляютъ при приближеніи животнаго, почему и называются по русски самострѣльцами или самострѣлами ¹⁾. Позже осенью, когда пушной звѣрь покрывается полною шерстью, когда вслѣдствіе замерзанія болотъ и протоковъ открывається удобный путь по лѣсамъ, и когда на первомъ выпавшемъ снѣгу обозначаются слѣды животныхъ, — начинается настоящая охота, которую составляетъ главнымъ образомъ промыселъ на соболей. Животное это ловятъ разными способами въ теченіе всей зимы до весны, когда снѣгъ уже не можетъ держать на себѣ ни человека, ни собаки. При такой охотѣ хорошая собака неоцѣненна, и за такую собаку даже у Вогуловъ платятъ до 30-ти рублей; никогда маленькія собачки, которыхъ такъ любятъ старыя барыни, не содержатся такъ хорошо, какъ Вогулы держатъ своихъ собакъ, которыя вѣрностью и послушаніемъ далеко превосходятъ своихъ городскихъ соплеменницъ. Цѣна соболей шкуры различна, смотри по достоинству, отъ четырехъ до десяти рублей, и при платѣ ясака хорошій соболь принимается правительствомъ какъ взносъ за три души. Другое маленькое животное, за которымъ еще чаще, чѣмъ за

---

¹⁾ «Обитающіе по р. Чусовой русскіе поселяне и Вогуличи, замѣтивъ слѣды и тропы (лосей и оленей), настороживаютъ на нихъ большіе луки со стрѣлами, протягивая отъ нихъ снажи, изъ тонкихъ бичевожь состоящія, такъ что проходящій по тропѣ звѣрь задѣвается за оныя ногами. Огъ сего натянутый лукъ приходитъ въ дѣйствіе, и стрѣла пробиваетъ лося или оленя на вылетѣ». См. *Помозъ*, Хозяйственное описаніе Пермской губерніи (С.-Пб., 1813 г.), ч. II, стр. 227.

соболемъ, промышляютъ Вогулы, это—бѣлка; за нею охотятся въ течение цѣлаго года, какъ для удовольствія, такъ и для выгоды. Вообще Вогуль никогда не отходить отъ своей юрты безъ собаки, ружья и топора. Если онъ отправляется въ путь пѣшкомъ, то собака сопровождаетъ его; если онъ плыветъ въ лодкѣ, то собака бѣжитъ по берегу рѣки слѣдомъ за нимъ. Какъ скоро собака подмѣтитъ бѣлку, то извѣщаетъ о томъ своего хозяина лаемъ; но хозяинъ бережетъ порохъ и дробь и стрѣлять бѣлку не станетъ; онъ просто ударяетъ обухомъ топора по стволу дерева, и если бѣлка при прыжкѣ на другое дерево не упадетъ на землю, то спугиванье такого рода продолжается до тѣхъ поръ, пока бѣлка не перестанетъ прыгать съ дерева на дерево и не засядетъ упорно на одномъ мѣстѣ. Тогда дерево подрубается, и при его паденіи животное дѣлается вѣрною добычею внимательно наблюдающей собаки. Цѣна бѣлки различна — отъ 6 до 10 копѣекъ за штуку. Рѣже бьютъ лисицъ, которыхъ трудно ловить, и конечно, еще рѣже—медвѣдей. Лѣсныхъ птицъ ловятъ такъ называемыми слопцами, которые ставятся недалеко отъ жилища, такъ что женщины и вообще болѣе слабыя члены семейства легко могутъ наблюдать за ними. Весною бьютъ много водяныхъ птицъ, которыхъ или ловятъ разставленными въ водѣ волосяными силками, или бьютъ стрѣлами; лукъ и стрѣлы составляютъ необходимую принадлежность каждой вогульской юрты.

„Рыболовство, которое на Тавдѣ и на ея притокахъ не особенно прибыльно, производится здѣсь обыкновенно зимою, такимъ образомъ, что въ сосѣдствѣ жилища рѣка или ручей совершенно перегородивается заколомъ, и въ оставленныхъ отверстіяхъ этого закола ставятся большія морды. Такого рода рыбная ловля можетъ быть производима и женщинами, и другими членами семейства. Но для Вогуловъ, живущихъ на Сѣверной Сосвѣ, рыболовство имѣетъ большее значеніе и болѣе прибыльно. Весною, какъ только вскроются рѣки, и немного понизится вода въ нихъ, они собираются большими толпами близъ устья рѣкъ и близъ отмелей на Сосвѣ и на Оби и остаются тамъ, въ построенныхъ изъ древесной коры юртахъ, въ течение всего лѣта до сентября, такъ что для многихъ вслѣдствіе того охота на лосей дѣлается невозможною. Наиболѣе употребляемая здѣсь рыболовная сѣти суть неводы, и кто не видѣлъ такой рыболовной деревни на Сосвѣ или на Оби, тому трудно представить себѣ ту массу рыбы, какая ежегодно здѣсь ловится. Вогуль никогда не солилъ рыбы, частью потому, что онъ считаетъ это излишнею рос-

кошью, частью потому, что ему трудно было бы купить столько соли, сколько нужно. Все то, что Вогуль, съ своимъ семействомъ и собаками не поѣдаетъ на самомъ мѣстѣ ловли,—а это не малое количество — вялится на зиму на солнцѣ или коптится на шестахъ у разведеннаго огня.

„Кто хотя немного ѣздилъ по Россіи, тотъ, конечно, могъ замѣтить, что въ городахъ вмѣстѣ съ пряниками и другими лакомствами продаются также какія-то зерна, величиною съ бобъ, которыя простой народъ любитъ грызть по воскресеньямъ и праздникамъ, и отъ которыхъ, говорятъ, такъ полнѣютъ русскія купчихи. Зерна эти—орѣхи, растущіе въ кедровыхъ шишкахъ, и собираніе ихъ составляетъ немаловажный побочный промыселъ бѣднѣйшихъ сибирскихъ Вогуловъ, а также Русскихъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ Сибири. Фунтъ такихъ орѣховъ стоитъ, напримѣръ, въ Казани отъ 7 до 8 коп. сер., на мѣстѣ же цѣна ихъ за пудъ отъ 90 к. до 1 р. 50 к. сер. При хорошемъ урожаѣ одно семейство можетъ собрать въ годъ нѣсколько десятковъ пудовъ кедровыхъ орѣховъ и такимъ образомъ заработать себѣ порядочныя деньги.

„Какъ уже было упомянуто выше, живущіе по Лозвѣ и Пелыму Вогулы начинаютъ понемногу заниматься земледѣліемъ, при чемъ, конечно, необходимо содержаніе скота и лошадей. Живущіе по Пелыму и въ его окрестностяхъ Русскіе вообще жалуются, что земледѣліе въ этихъ мѣстахъ мало прибыльно. Но на цѣлый градусъ сѣвернѣ Пелымской церкви или немного южнѣ 61-го градуса, въ вогульской деревнѣ *Массавъ* (*Massau*) ¹⁾, которая находится въ сторонѣ отъ рѣки Пелыма по направленію къ Уралу, Вогуль мало по малу обработалъ себѣ такія хорошія пашни, что онѣ кормятъ его съ большимъ семействомъ въ теченіе цѣлаго года, а въ урожайныя годы онѣ даже продаетъ довольно значительное количество хлѣба. Это можетъ служить доказательствомъ, что земледѣліе еще можетъ вознаграждать здѣсь трудъ прилежнаго работника, хотя, конечно, морозъ часто разрушаетъ его надежды. Надо однако замѣтить, что эта деревня есть послѣднее мѣсто къ сѣверу, гдѣ еще встрѣчается земледѣліе, ибо въ *Атмје-павъ* ²⁾, на 30 верстъ сѣвернѣе, сѣютъ только рѣпу, и то

¹⁾ Массавскій пауль (поселокъ) на р. Усв, см. Списокъ насел. мѣстъ Тобольской губерніи, № 2, 902.

²⁾ Такого названія въ Сп. насел. мѣстъ Тобольской губерніи не значится; быть можетъ, подъ этимъ названіемъ должно разумѣть, означенный подъ № 2903,

въ маломъ количествѣ. Названная деревня есть также послѣдняя на этой рѣкѣ, гдѣ еще имѣются лошади.

„Вмѣсто лошадей Березовскіе Вогулы держатъ оленей. Но лишь немногіе изъ нихъ имѣютъ болѣе нѣсколькихъ десятковъ; на верховьяхъ рѣки Тапси такой Вогуль, который имѣетъ до двухъ сотъ оленей, будетъ считаться за очень богатаго человѣка. тогда какъ тотъ же Вогуль въ окрестностяхъ Обдорска, гдѣ болѣе богатые Самоѣды владѣютъ нѣсколькими тысячами этихъ животныхъ, считался бы почти за бѣдняка. Выгоды оленеводства вообще достаточно извѣстны, и потому нѣтъ надобности описывать ихъ здѣсь; но должно замѣтить, что кочевые народы сѣверной Сибири не умѣютъ доить важенокъ, какъ то дѣлаютъ Лопари финскаго и скандинавскаго сѣвера, отчего у нихъ и пропадаетъ немаловажная часть прибыли. Въ окрестностяхъ Березова мы находимъ однако у богатыхъ Вогуловъ скотоводство и лошадей, хотя высокая вода и разливы рѣкъ въ послѣдніе два года на столько повредили сѣнокосамъ, что какъ Русскіе, такъ и Вогулы, и Остяки въ этихъ мѣстностяхъ должны были продавать свой скотъ.

„Земля, или лучше сказать, лѣсъ есть общее достояніе Вогуловъ, такъ что каждый имѣетъ право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Целыму Русскимъ, приходящимъ сюда зимою для охоты, Вогулы не иначе позволяютъ охотиться, какъ только вмѣстѣ съ ними, и такимъ образомъ Русскіе и Вогулы соединяются и образуютъ небольшія охотничьи артели, въ которыхъ Вогуль свое право охоты дѣлитъ съ Русскимъ, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равныя части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-либо рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду.

„Немного на свѣтѣ жилевъ, которыя были бы по своей внѣшности такъ просты, какъ вогульскіе поселки или такъ называемые *паулы*. Они всегда ставятся на возвышенномъ мѣстѣ около рѣки или около соединенія двухъ рѣкъ, такъ какъ рыболовный промыселъ у устья рѣки всегда прибыльнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и кромѣ того, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, пути сообщенія по рѣкамъ удобнѣе, чѣмъ по лѣсу. Паулы эти находятся на большомъ разстояніи

Вершинскій вогульскій пауль на рч. Мотвалъ, въ 35 в. къ свв. отъ Муссавскаго паула, въ 6 дворовъ (юртъ).

другъ отъ друга, въ двухъ или трехъ дняхъ пути, чтобы каждый поселокъ владѣлъ достаточнымъ пространствомъ для охоты и рыболовства. Каждый пауль обыкновенно состоитъ изъ двухъ или трехъ юртъ; пять юртъ составляютъ уже значительный поселокъ, а самый большой изъ пауловъ, которые я видѣлъ въ моемъ путешествіи, это—выше названный *Ätimje-paul*, состоящій изъ семи юртъ. Юрты ¹⁾ бываютъ двухъ родовъ: зимнія и лѣтнія. Первые построены изъ бревенъ, проконопачены мохомъ и покрыты крышей изъ древесной коры и планокъ. Они бываютъ рѣдко болѣе трехъ сажень въ ширину и глубину. Двери, предъ которыми рѣдко бываютъ сѣни или навѣсы, обыкновенно обращены къ югу, вѣроятно, по той причинѣ, что вѣтеръ съ этой стороны менѣе суровъ, чѣмъ съ другихъ сторонъ. Въ одномъ изъ угловъ около двери складывается изъ глины сбитой съ травой печь, имѣющая сходство съ англійскимъ каминомъ, и въ которой огонь горитъ въ теченіе цѣлаго дня; на ночь отверстие въ крышѣ для выхода дыма закрываютъ берестю. Послѣ того какъ погаснетъ огонь, такая печь не даетъ тепла, да и притомъ она слишкомъ мала и сложена изъ слишкомъ дурного матеріала; ночью въ этихъ юртахъ порядочно забнутъ, и единственное средство противъ холода состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно ближе ложиться другъ къ другу. Дневной свѣтъ проникаетъ чрезъ окно, въ которое обыкновенно бываетъ вставлено стекло, а за неимѣніемъ его—рыбья кожа или бумага. По стѣнамъ юрты съ двухъ сторонъ устроены, въ поларшина вышиной, очень широкія лавки для спанья, похожія на татарскія и покрытыя берестой или рогожами. Если въ юрту входитъ болѣе почетный гость, то на такой лавкѣ стелютъ оленью шкуру, но какъ ни привлекателенъ этотъ бѣлый и мягкій мѣхъ, нельзя посоветовать садиться на него, такъ какъ онъ бываетъ полонъ блохъ; вошедшій лучше всего сдѣлаетъ, если сядетъ на маленькую и низенькую скамью, служащую вмѣсто стола, такъ какъ скамья эта удалена отъ всякаго соприкосновенія съ лавками, и такимъ образомъ можно почти уберечься отъ блохъ. При каждой юртѣ находится одна или двѣ кладовыя для припасовъ, которыя строятся на высокихъ столбахъ, а непосредственно за ними начинается темный сосновый лѣсъ, шумъ котораго и свѣжій запахъ сосны такъ любезны сердцу Вогула. Лѣт-

---

¹⁾ Г. Адквистъ употребляетъ это названіе вогульского жилища согласно тому, какъ говорятъ Русскіе; сами же Вогулы называютъ свои жилища *kuiäl*, *квалль*.

нія юрты покрываются берестой; на Сосвѣ онѣ имѣютъ коническую форму; Вогуль всегда переходитъ въ такую юрту въ теплое время года, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ не удаляется отъ своей зимней юрты. Огонь въ лѣтнихъ юртахъ горитъ по срединѣ, и дымъ выходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ; юрты эти не имѣютъ пола и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе удобны, чѣмъ зимнія.

„Такъ устроены жилища Березовскихъ Вогуловъ. Южные Вогулы, живущіе по рр. Лозвѣ и Пелыму, рѣдко строятъ лѣтнія юрты, а живутъ лѣто и зиму въ бревенчатыхъ жилищахъ. Эти послѣднія отличаются отъ юртъ сѣверныхъ Вогуловъ только тѣмъ, что въ нихъ около очага вмазанъ довольно большой котель, изъ-подъ котораго чрезъ витую трубу дымъ проходитъ въ верхнюю часть очага. Южные Вогулы начинаютъ уже ставить русскіе срубы, помѣщая ихъ за юртами, такъ что сіи послѣднія служатъ сѣнями къ избѣ, а самая изба чистою половиной.

„Домашняя утварь и другія принадлежности домашняго быта у народа, такимъ образомъ живущаго, не могутъ быть разнообразны. Кромѣ собаки, ружье составляетъ самое дорогое имущество Вогула, хотя обыкновенно ружья ихъ самага дурного качества. Затѣмъ у Вогула бываетъ еще оружіе—рогатина, топоръ и большой ножъ, который вмѣстѣ съ огнивомъ всегда виситъ у пояса. Кромѣ той посуды, въ которой варятъ пищу, вся остальная изъ бересты; даже ложки и дѣтскія люльки и качалки не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Издѣлія Вогуловъ изъ бересты вообще хороши, хотя далеко не такъ красивы и не такъ аккуратны, какъ тѣ, что изготовляются въ сѣверной Финляндіи. Лодки для небольшихъ рѣкъ выдалбливаются изъ одного древеснаго ствола и очень легки на ходу, но такъ низки, что на нихъ гребутъ не простыми веслами, а рулевымъ весломъ. На Сосвѣ и Оби есть однако у Вогуловъ и большія лодки съ мачтами; обыкновенно двѣ такія лодки соединяются для плаванія цѣлаго семейства.

„Одежда южныхъ Вогуловъ приблизительно та же, что и одежда живущихъ тамъ Русскихъ, но обыкновенно она хуже и болѣе изорвана. Одежду Вогуловъ на Сѣверной Сосвѣ составляетъ извѣстная малица, которая на лѣто шьется изъ русскаго крестьянскаго сукна, а на зиму—изъ оленьихъ шкуръ, такъ что мѣхомъ бываетъ обращена къ наружной сторонѣ и затѣмъ подбита мѣхомъ же съ внутренней стороны. Шапокъ обитатели Сосвы не знаютъ. Лѣтомъ длинные и густые волосы, заплетенные въ двѣ косы, составляютъ единственную защиту головы, но зимой какъ голова, такъ и лицо, покрываются

особаго рода мѣшкомъ изъ оленьихъ шкуръ, который пришить къ воротнику малицы. Обувь, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, составляютъ такъ-называемые пимы, родъ сапогъ съ длинными голенищами изъ оленьихъ шкуръ, которые на лѣто шьются изъ шкуръ, не покрытыхъ шерстью, а на зиму—изъ шкуръ, покрытыхъ шерстью, и притомъ внутри подбиваются оленьимъ мѣхомъ. Нижнее платье (рубашка и штаны) у нѣкоторыхъ — изъ русскаго холста, а у другихъ — изъ дубленыхъ оленьихъ шкуръ, которыя носятъ до тѣхъ поръ, пока не спадутъ съ тѣла въ лоскуткахъ. Одежда женщинъ также изъ оленьихъ шкуръ и почти того же покроя, что у Татарокъ; голову Вогулки покрываютъ большимъ не завязаннымъ платкомъ, который, подобно Татаркамъ, спускаютъ и на лицо при появленіи незнакомаго человѣка. Въ косы, также какъ у Татарокъ, влетаются пестрыя ленты, бисеръ и другія блестящія украшенія; на пальцахъ какъ женщины, такъ и мужчины, носятъ мѣдныя кольца. Замѣчательно, что вогульскія женщины татуируютъ себѣ руки и ноги; татуировка ихъ не представляетъ собою какого-либо опредѣленнаго рисунка, но состоитъ изъ симметрически расположенныхъ линий; она дѣлается въ дѣтствѣ чрезъ наколъ иглой и втираніе пороховъ наколотога мѣста.

„Относительно пищи Вогуль неизбалованъ и неразборчивъ. Главная его пища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, лѣсная птица и рыба, съ тою разницей, что лѣтомъ рыба бываетъ свѣжая, а зимой сушеная. Мясо оленей и лосей ѣдятъ они рѣдко, и то только богатые. Для южныхъ Вогуловъ соль и хлѣбъ сдѣлались необходимою потребностію, но Сосвинскіе считаютъ ихъ предметами роскоши, и здѣшній Вогуль, возвращаясь изъ города, привозитъ ихъ по немножку дѣтямъ въ гостинецъ, подобно тому, какъ фшпландскій крестьянинъ привозитъ въ видѣ гостинца сахаръ и бѣлый хлѣбъ. Вообще Вогуль долгое время можетъ быть безъ пищи, и при его странствованіяхъ въ лѣсу случается, что за неимѣніемъ посуды онъ цѣлыя недѣли питается сырою рыбой и сырымъ мясомъ тетеревей. Но если Вогуль начнетъ ѣсть, то ѣстъ много, такъ что за одинъ разъ можетъ съѣсть четыре или пять тетерекъ, вылебать всю похлебку, въ которой онѣ варились, и сверхъ того, будетъ закусывать вмѣсто хлѣба сушеною рыбой. Единственный предметъ роскоши, который позволяетъ себѣ Вогуль, это—табакъ; куреніе его такъ распространено между Пелымскими Вогулами, что даже бабы и дѣвки курятъ и обыкновенно имѣютъ

свои собственныя трубки; Вогулы же Сосвинскіе не курятъ, но за то большіе охотники нюхать табакъ.

„По тѣлосложенію Вогулы средняго роста; малорослые мужчины встрѣчаются рѣдко; напротивъ того, довольно часто видишь мужчинъ стройнаго тѣлосложенія. Какъ охотникъ, Вогуль скоро ходитъ и въ странствованіяхъ своихъ неутомимъ, но въ крѣпости плечъ уступаетъ Русскому.— Лицо круглое съ немного выступающими скулами, какъ у всѣхъ Финновъ; носъ широкій, но не плоскій; самый обыкновенный цвѣтъ волосъ—темнорусый, но довольно много встрѣчается людей и съ совершенно свѣтлыми волосами; глаза у нихъ открытые и круглые, но часто болятъ, вслѣдствіе жизни въ дымныхъ юртахъ. Примѣси мопгольскаго типа, какъ это полагаютъ нѣкоторые путешественники,—я не могъ подмѣтить въ Вогулахъ, если не считать за признаки ея у южныхъ Вогуловъ, именно Кондинскихъ, сильно выступающія скулы, темнoblѣдный цвѣтъ лица, какъ смоль черные волосы и малое количество волосъ на бородѣ. Можетъ быть, Кондинскіе Вогулы болѣе смѣшались съ чужими элементами, чѣмъ ихъ сѣверные братья, которые по внѣшности своей болѣе схожи съ Европейскими народами. Это предположеніе получаетъ еще болѣшую силу и потому, что ихъ область болѣе доступна и ближе къ другимъ народамъ, соприкасающимися съ ними юга и востока, чѣмъ остальная земля Вогуловъ.

„По характеру своему Вогуль — тихое и добродушное дитя природы. Вогулы никогда не имѣютъ печальнаго вида, постоянно болтаютъ и смѣются между собою; въ рѣчи ихъ есть особаго рода отѣнокъ доброжелательства, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ мягкости и доброты души. Это въ особенности относится къ Сосвинскимъ Вогуламъ, такъ какъ у Вогуловъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Русскими, открытость характера и добродушіе болѣе или менѣе исчезли. Не будучи мстительнымъ, Вогуль однако легко раздражается даже при малой обидѣ, но также легко мирится и притомъ вполне чистосердечно. Въ пьяномъ видѣ однако онъ становится бѣшенымъ, и тогда опасно бываетъ спорить съ нимъ; но къ счастью, въ такое состояніе онъ приходитъ только два раза въ годъ, когда отправляется въ городъ или въ церковь, ибо вслѣдствіе благоразумной заботливости правительства всякая продажа водки строго запрещена въ вогульскихъ деревняхъ. Большой недостатокъ въ характерѣ Вогула составляетъ его лѣность, которая и служитъ причиною, почему ему, какъ работнику, платятъ въ половину менѣе, чѣмъ Русскому. Къ ручному труду этотъ народъ мало склоненъ. Женщины

однако шьютъ одежду для себя и для мужей, употребляя притомъ вмѣсто обыкновенныхъ нитокъ жилы оленей или пряжу изъ крапивы. Что касается мужчинъ, то они не изготовляютъ даже своей домашней утвари; ибо между ними нѣтъ даже кузнецовъ, почему и ружья отдаются ими въ починку въ отдаленныя мѣста русскимъ кузнецамъ, а равно тамъ же заказываются и другія кузечныя подѣлки. Замѣчаніе М. Кастрена и Ю. А. Гагемейстера, что Остяки могли бы быть хорошими плотниками, сказано на вѣтеръ и возбуждаетъ только улыбку въ каждомъ Сибирякѣ, которому хорошо извѣстно, что плотники приглашаются сюда издалека, хотя вездѣ по сосѣдству живетъ много Вогуловъ и Остяковъ.

Религиозное сознаніе Вогула заключается въ шаманизмѣ, въ которомъ столь многіе народы сѣверной Азіи находятъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. Правда, Вогуль крещенъ, носить христіанское имя и внесенъ въ метрическую книгу; священникъ вѣнчаетъ его, креститъ дѣтей его и приглашается имъ отслужить панихиду надъ могилой умершаго члена его семьи, когда пріѣзжаетъ въ ту мѣстность; Вогуль, посѣщая по своимъ дѣламъ разъ или два въ годъ село, въ которомъ находится его приходская церковь, идетъ въ церковь, заигаетъ восковую свѣчу передъ образомъ и нѣсколько разъ крестится. Но во всемъ остальномъ и въ душѣ Вогуль преданъ еще религіи своихъ предковъ. Обращеніе Вогуловъ въ христіанство началось въ первой половинѣ прошлаго вѣка и состояло болѣе въ насильственномъ разрушеніи ихъ идоловъ, чѣмъ въ проповѣди христіанскаго ученія. Съ этого времени они по названію христіане, и хотя, кажется, не воздвигали болѣе идоловъ, но по видимому, въ лѣсахъ ихъ есть извѣстныя мѣста, гдѣ Вогулы приносятъ въ жертву богамъ оленей, мѣха и серебряную монету, чтобъ они послали счастливую охоту. Хотя эти мѣста для жертвоприношеній остаются неизвѣстными чиновникамъ и вообще скрываются отъ Русскихъ, однако случается, что и Русскіе присутствуютъ при этихъ жертвоприношеніяхъ, когда они, какъ выше было сказано, вмѣстѣ съ Вогулами отправляются на охоту. Члены такой маленькой охотничьей артели присягаютъ другъ другу въ вѣрности передъ мордою медвѣдя, то-есть, они рѣжутъ эту морду однимъ ножомъ или кусаютъ ее зубами въ знакъ того, что если кто при общей охотѣ окажется безчестнымъ, то да будетъ поѣденъ медвѣдемъ, что, по твердому убѣжденію какъ Русскихъ, такъ и Вогуловъ, непременно должно случиться. Почитаніе медвѣдей, которое у предковъ Финскаго племени было всеобщее, проявляется у Вогуловъ

и въ другихъ чертахъ. Подобно тому, какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, гдѣ медвѣди еще вездѣ водятся, ихъ рѣдко называютъ—изъ почтенія или изъ страха—настоящимъ ихъ именемъ, а именуютъ „медовою лапой“ или другимъ какимъ-либо ласкательнымъ прозвищемъ,—такъ и Вогулы избѣгаютъ давать медвѣдю его настоящее имя и называютъ обыкновенно „старымъ“, чѣмъ, безъ сомнѣнія, хотятъ выразить свое къ нему уваженіе. Какъ въ Калевалѣ описывается тризна древнихъ Финновъ по медвѣдѣ, такъ и Вогулы тащутъ убитаго медвѣдя съ пѣснями, музыкой, съ выстрѣлами изъ ружей въ дровню, гдѣ смерть его празднуется пирушкой и попойкой.

„Въ древности славилась торговля Югры мѣхами. До утверженія русскаго владычества въ этой странѣ вся эта торговля была въ рукахъ Зырянъ, которые, — конечно, въ позднѣйшее время — должны были подѣлиться выгодами ея съ русскими купцами, но и до сихъ поръ принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Торговлю эту производятъ Зыряне Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи ¹⁾ и для того ежегодно пріѣзжаютъ сюда изъ-за Урала двумя путями на ярмарки въ Березовъ и Обдорскъ. Болѣе южная дорога идетъ изъ Березова по Сосвѣ, по ея притоку Сигвѣ и потомъ черезъ Уралъ, который въ этомъ мѣстѣ такъ узокъ, что отъ послѣднихъ юртъ Березовскаго округа у истоковъ Сигвы, если дорога хороша, можно доѣхать на оленяхъ въ 24 часа до береговъ Печоры; и переѣздъ черезъ Уралъ тутъ такъ легокъ, что по этой дорогѣ ежегодно перевозится нѣсколько тысячъ пудовъ муки на Печору, а оттуда доставляются болѣе грузные товары, какъ напимѣръ, ружья, топоры, котлы, сальныя свѣчи и т. д. ²⁾ Другая болѣе сѣверная дорога идетъ изъ Обдорска по рѣкѣ Соби или Синѣ до истоковъ впадающей въ Печору рѣки Усы и потомъ по Усѣ до Печоры ¹⁾. Вся торговля здѣсь

¹⁾ Такъ называемые Ижемцы.

²⁾ Это такъ называемый Оранецкій путь, ведущій отъ Сукерьинскихъ юртъ на Сигвѣ, вдоль впадающей тутъ въ Сигву р. Сукерьи, потомъ чрезъ Уралъ, далѣе мимо весьма высокой горы Сабли, находящейся уже на западной сторонѣ Урала, на д. Оранецъ на Печорѣ. См. письмо *Регули* къ акад. Кешпену въ III-й книжкѣ *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*, стр. 172 и 173; *Гофмана*, Сѣверный Уралъ, стр. 199. Проходъ здѣсь чрезъ Уралъ у Гофмана названъ Саблинскимъ.

Прим. г. Чупина.

¹⁾ Тутъ у г. Алквиста ошибка: р. Синья начинается и впадаетъ въ Обь далеко южнѣ Обдорска и верховья въ Усы. Вѣроятно, онъ разумѣлъ такъ называемый Елецкій переходъ отъ Обдорска вверхъ по долинѣ впадающей въ Обь р. Соби, потомъ черезъ Уралъ и вдоль Ельца, одного изъ верхнихъ притоковъ

мѣновая, при чемъ бѣлка служить общимъ мѣриломъ цѣнности товара. Подобно тому какъ на черемисскомъ языкѣ *ur* (по фински *orava*) означаетъ какъ бѣлку, такъ и копѣйку, такъ и на вогульскомъ языкѣ слово *lin* (*lēn*) означаетъ то же; такъ, на примѣръ, русскій гривенникъ по вогульски называется *lou lin* (10 бѣлокъ), рубль — *sēt lin* или *sat lin* (100 бѣлокъ). Но такъ какъ цѣна бѣлки въ настоящее время гораздо значительнѣе, чѣмъ въ то время, когда вошло въ употребленіе это выраженіе, то Вогулы, говоря о деньгахъ, прибавляютъ взятое изъ татарскаго языка слово *oksá* къ суммѣ, для того чтобы сдѣлать различіе отъ дѣйствительной бѣлки, на примѣръ, десять рублей: *lou sēt lin oksá* (10 сотень бѣлокъ денегъ), тогда какъ одно *lou sēt lin* означало бы тысячу настоящихъ бѣлокъ, цѣна которыхъ въ теперешнее время гораздо болѣе десяти рублей. Въ торговлѣ Зырянъ и Русскихъ съ здѣшними Вогулами существуетъ система кредита, которая для сихъ послѣднихъ только разорительна. Купецъ отпускаетъ товаръ свой покупателю въ долгъ до слѣдующей охоты, при чемъ, конечно, на товаръ свой назначаетъ большую цѣну, чѣмъ при наличной платѣ мѣхами; при уплатѣ же долга онъ старается по возможности уменьшить цѣну на товаръ должника. Вслѣдствіе того послѣдній затягиваетъ уплату долга и охотнѣе продаетъ товаръ другимъ, чѣмъ своему кредитору. Чтобы покрыть убытки отъ такой несвоевременной уплаты, а равно и отъ утраты должной суммы вслѣдствіе смерти должника, купецъ при слѣдующемъ окредитованіи долженъ наложить на свой товаръ еще большую цѣну, часто вдвое. Исходомъ такой торговли въ кредитъ для многихъ Вогуловъ и Остяковъ бываетъ то, что сильно задолжавшій при неблагоприятной охотѣ или самъ долженъ поступить въ работники къ своему кредитору, или если у него есть сынъ, послать сына, что

Усы, къ этой послѣдней рѣкѣ. О Елецкомъ, иначе Большомъ, переходѣ Ругули въ письмѣ къ Кеппену говоритъ: «Эта большая дорога отъ Усы въ Обдорскъ — путь, по которому Русскіе изстари переправлялись черезъ Уралъ. Здѣсь проходить торгующіе Зыряне въ Обдорскъ, и тянутся толпами Самовѣды и частію Остяки. Этотъ проходъ, простирающійся въ длину на 30 верстъ (въ горахъ?), широкъ и просторенъ, но имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ: во время вьюгъ, свирѣпствующихъ здѣсь иногда по 3 и 4 дня сряду съ неимоверною силою, въ немъ нельзя найти себѣ защиты, такъ что цѣлые караваны и стада оленей разгоняются и побиваются бурей, и даже нерѣдко замерзаютъ люди. Впрочемъ, дорога эта, довольно важная для Ижемскихъ Зырянъ, не имѣетъ никакого значенія для Вогуловъ.»

Прим. и. Чупина.

часто обращается въ пожизненную кабалу, въ которой Вогуль или Остякъ отчуждается отъ своего племени и народа.

„У Вогуловъ нѣтъ дѣленія на роды, какъ у Самоѣдовъ и у нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ народовъ, но они, подобно Русскимъ, дѣлятся на волости, въ которыхъ имѣютъ своихъ собственныхъ головъ и старшинъ. Отъ ихъ прежняго самостоятельнаго управленія не осталось никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ того, что на Сосвѣ два три семейства имѣютъ притязаніе называться князьями. Познакомившись съ двумя такими претендентами, я не могъ замѣтить никакой разницы между ними и ихъ соплеменниками, кромѣ того только, что лицо ихъ случайно было чище вымыто, между тѣмъ какъ по одеждѣ и по занятіямъ они ничѣмъ не отличались отъ другихъ и не требовали, кажется, отъ сихъ послѣднихъ никакого особеннаго къ себѣ почтенія. Вообще Вогулы, какъ и другіе живущіе здѣсь народы, управляются обыкновенными чиновниками изъ Березова и Обдорска, и это управленіе вслѣдствіе ихъ покорности и послушанія весьма незатруднительно: болѣе преданныхъ подданныхъ едва ли можно найти; вездѣ спрашиваютъ они путешественника: какъ здоровье золотого хана (*sorni khan*, то-есть, Государь), какой видъ имѣетъ его жилище, одѣвается ли онъ въ тѣ мѣха, которыми они платятъ ясакъ, существуетъ ли миръ и спокойствіе въ странѣ и т. д. И народъ этотъ не имѣетъ причины желать для себя лучшаго управленія. Ясакъ, который онъ платитъ, чрезвычайно незначителенъ и почти вполнѣ возмѣщается тѣмъ, что казна отпускаетъ имъ порохъ и муку по пониженной цѣнѣ. Со стороны чиновниковъ Вогулы также не терпятъ большаго притѣсненія, такъ какъ споры свои обыкновенно разрѣшаютъ между собою безъ суда и вообще живутъ такъ далеко отъ чиновниковъ, что видятъ ихъ только разъ въ годъ при взносѣ ясака; кромѣ того, они уже научились приносить жалобы на притѣсненія, и это заставляеть чиновниковъ быть осторожными въ обращеніи съ ними“.

Таковъ бытъ Вогуловъ, какъ онъ очерченъ г. Алквистомъ. Описание это, конечно, очень коротко ¹⁾, но во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно удовлетворяетъ той цѣли, ради которой включено въ мо-

---

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что этнографическій матеріалъ о Вогулахъ, представляемый русскою литературой, довольно великъ и содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній, не отмѣченныхъ г. Алквистомъ; см. библиографію его въ статьѣ о Вогулахъ, въ Географическомъ и статистическомъ словарѣ Пермской губерніи, составленномъ Н. Чупинымъ (Пермь, 1873 г.), I, 334—360.

нографію о древней финской культурѣ. Если мы снимемъ съ этой картины быта Вогуловъ нѣкоторыя позднѣйшія наслоенія, каково, напримѣръ, употребленіе огнестрѣльнаго оружія или водки, и даже самое знакомство Вогуловъ съ христіанскою религіей, то быть вогульскій представится намъ совершенно такимъ же, какъ древняя жизнь Западныхъ Финновъ, опредѣляемая данными ихъ языка. Итакъ, современная дѣйствительность оправдала научный пріемъ, употребленный г. Алквистомъ, и подтвердила вѣрность его заключеній и выводовъ изъ данныхъ языка.

По справедливому замѣчанію автора, сейчасъ изложенная параллель доказываетъ также, что заимствование культурныхъ словъ въ финскіе языки отъ сосѣднихъ дѣлалось Финнами не безъ необходимости, не изъ простаго желанія украшать родную рѣчь чужестранными выраженіями и т. п. Если бы вмѣстѣ съ заимствованіемъ словъ, не были заимствуемы и самые предметы и понятія, этими словами обозначаемыя, — то не могло бы случиться, что различныя отрасли Финскаго племени, въ различныя времена и на дальнемъ разстояніи одна отъ другой, усвоивали себѣ отъ сосѣдей слова, означающія одни и тѣ же предметы и понятія; а именно это обстоятельство замѣчаемъ мы при сравненіи языковъ финскаго собственно и мадыарскаго, финскаго и лопскаго, финскаго и эстскаго. Даже въ предѣлахъ той области, въ которой распространенъ собственно финскій языкъ, мы видимъ, что въ полосѣ болѣе западной, въ собственно емскомъ нарѣччіи, извѣстное понятіе означается словомъ скандинавскаго происхожденія, а въ полосѣ восточной, среди Кареловъ, то же понятіе выражено словомъ, взятымъ изъ нѣмецкаго или русскаго языка. Очевидно, ни въ той, ни въ другой мѣстности Финны не имѣли понятія о тѣхъ предметахъ, названіе которыхъ имъ пришлось брать у сосѣдей, и стало быть, находились на низшей, сравнительно съ послѣдними, ступени развитія. Тѣмъ моложе однако—таково послѣднее слово г. Алквиста, — тѣмъ моложе Финны въ исторіи, и тѣмъ вѣроятнѣе, что наконецъ и для нихъ приходитъ пора внести свой вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію и самостоятельно развить тѣ культурныя задатки, которые усвоены ими отъ сосѣдей.

На этомъ мы можемъ покончить обзоръ содержанія книги г. Алквиста. Знатоки финскихъ языковъ, безъ сомнѣнія, подвергнутъ ее критическому разбору со стороны филологической;—наша задача была гораздо проще и скромнѣе: довѣряясь вполне ученому авторитету г. Алквиста, какъ одного изъ первыхъ современныхъ

финнологовъ, мы имѣли въ виду извлечь изъ его розысканій только этнографическіе результаты, которые могли бѣ освѣтить какъ современное, такъ и древнее культурное состояніе Западныхъ Финновъ и ихъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ арійской расы.

Въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о другомъ трудѣ по исторіи финскихъ языковъ, который имѣетъ много общаго съ книгой г. Алквиста: мы разумѣемъ ужъ упомянутое выше изслѣдованіе датскаго ученаго г. В. Томсена: „О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лопскій“. Между тѣмъ какъ г. Алквистъ основалъ свои результаты преимущественно на сравненіи финскихъ языковъ между собою и съ языками всѣхъ сосѣднихъ, какъ западныхъ, такъ отчасти и восточныхъ народовъ арійской расы, г. Томсень изслѣдовалъ филологически лишь одну область племенныхъ отношеній—культурныя связи Финновъ съ Германскимъ племенемъ, но за то постарался различить послѣдовательность въ развитіи этихъ связей по мѣрѣ соприкосновенія Западныхъ Финновъ съ тѣмъ или другимъ изъ народовъ Германскихъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы спеціалисты финской филологіи привели къ ближайшему соглашенію результаты, добытые обоими вышеназванными учеными, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обратили бы въ должной мѣрѣ вниманіе на отношеніе финскихъ языковъ къ славянскимъ. Подобныя изысканія, безъ сомнѣнія, прольютъ новый свѣтъ на все еще темные пока вопросы о древнихъ народныхъ движеніяхъ и зародышахъ гражданственности въ Восточной Европѣ.

Л. М.